Беглец

Автор:
Генри Олди

Беглец

Генри Лайон Олди

ОйкуменаБлудный сын, или Ойкумена: двадцать лет спустя #2

Ойкумена на пороге войны. Три могучие цивилизации стягивают боевые флотилии к месту будущего сражения. Аскеты-брамайны, волки Великой Помпилии и Ларгитас, флагман технического прогресса – все готовы вцепиться друг другу в глотку. Причина раздора – маленький мальчик, чудо из чудес. Даже антисы, исполины космоса, гуляющие пешком между звездами, нарушают свой нейтралитет. Заговоры, интриги, политические скандалы, секретные операции, а в подземном бункере отец и сын выстраивают хрупкую лесенку доверия и любви. Куда приведет их эта лестница? Неужели в небо?!

«Блудный сын» – пятый роман эпопеи «Ойкумена», давно заслужившей интерес и любовь читателей. «Космическая симфония» была написана Г. Л. Олди десять лет назад, а в «одной далекой галактике» год идет за два – не зря у нового романа есть подзаголовок «Ойкумена: двадцать лет спустя».

Что дальше? Вселенной никогда не быть прежней.

Генри Лайон Олди

Блудный сын, или Ойкумена: двадцать лет спустя. Книга вторая. Беглец

(космическая фуга)

Пролог

«Я считаю, что истинная физиология мозга начнется с изучения механизма телепатии. Телепатия – это не только одна из функций или потенциальных возможностей мозга, а сам мозг в неизвестной нам форме. Мгновенность – вот самое удивительное. Мгновенность и проницаемость: последнее качество обязательно сопровождает первое.

Но есть ещё одно качество телепатии – это повсюдность, т. е. проницаемость повсюду. Это величайшее качество мозга как мирового излучателя и резонатора, объединяющего Вселенную. Если телепатическая функция перейдет со временем в «самое существо мира», весь Космос станет единым мозгом. Назовем это состояние «лучистым», хотя, говоря откровенно, я не знаю, как лучше назвать такое состояние материи.

Может быть, его следует назвать телепатическим полем мира?»

Константин Челковцев, «Грезы о земле и небе»

– Детка, чего ты ломаешься?

Действительно, подумал Боров. Чего я ломаюсь?

– От тебя что, убудет?

Не убудет, подумал Боров. Скорее, прибавится.

– Гляди, – развивал идею Глист. – Мы ложимся на полу. Ты – здесь, я – здесь. Валетом, если ты меня стесняешься.

Глист хихикнул. Сам он не стеснялся ничего на свете.

– Койки отдаем соседям. Раз, два…

Глист считал койки с нарочитой педантичностью, загибая пальцы, проверяя себя и перепроверяя заново. Издевался? Намекал, что не так давно коек в каюте было меньше двух? Ну да, было, пока в каюту к Борову не подселили Глиста. Это случилось три года назад, но всякий раз Боров при виде Глиста вспоминал, какая существенная разница между определениями «старший механик» и просто «механик». Например, отдельная каюта сразу превращается в общую. Хорошо еще, что коек стало две, а не три.

– Широкие, – добавил Глист, определившись с количеством «лежбищ». – Можно парами укладывать. В тесноте, да не в обиде.

– Задохнемся, – буркнул Боров.

– Ничего, перетерпим. И вообще, готовься пострадать. Страдания – они людям на пользу. Вон, у брамайнов от них даже ресурс растет.

Лучше бы ты заткнулся, подумал Боров. Кровь ударила в голову, щеки загорелись нездоровым румянцем. Брамайнов Боров ненавидел. Из-за брамайнов – точнее, из-за одной-единственной сволочной брамайни – он утратил все: высокую должность, отдельную каюту, прибавку к жалованью. «Вкусняшка» с тех пор ходила только в позорные каботажные рейсы: с Ларгитаса на Сону, спутник родной планеты механика Вандерхузена, и обратно. Курортная Сона, как говаривал острый на язык Глист, концертила, фестивалила и конференцилась, а значит, жрала в три горла. Трюмы забивались деликатесами, холодильники едва справлялись с нагрузкой, зато фильтры кондиционеров не справлялись вовсе. Смачные запахи бродили по кораблю, у всей команды рекой текли слюни. Загрузка, полет, выгрузка. Возвращение. Загрузка, полет, выгрузка. В последние месяцы количество рейсов упало – на Соне по неизвестным причинам отменялся фестиваль за фестивалем. Отели вставали на капитальный ремонт, парки – на реконструкцию ландшафта и аттракционов. Количество отдыхающих уменьшалось изо дня в день, отчего стремились к нулю и без того скудные заработки Борова. Загрузка, полет, выгрузка. Обратка порожняком: везти с Соны было нечего, кроме разве что туристов, возвращающихся домой. Иногда Боров в мечтах представлял себе юморную картинку: холодильники переполнены туристами-мерзляками, дремлющими в криосне, и он, Рудгер Вандерхузен, бдит днем и ночью – следит, чтобы груз не разморозился, не протух.

Домечтался, идиот.

– Чтоб вы все сдохли! – с чувством произнес Боров.

– Кто? – не понял Глист.

– Все.

– А-а…

Глист, в сущности, был неплохим парнем, уживчивым. Тощий, верткий, он был Глист и по жизни, и по паспорту – Хлист, Якоб Хлист, третий механик «Вкусняшки». Когда его из общака «на четверых» подселили к проштрафившемуся Вандерхузену, Боров ждал худшего. Свой брат работяга – это вам не девчонки-энергетки, которых Боров наловчился подхватывать в дороге. От девчонки и пахнет лучше, и глазу приятней, и не только глазу. Ничего, Глист вписался на раз. Спал как убитый, тише тихого – Боров поначалу опасался, что Глист храпит. Штурман предупредил Борова, что Глист ходок по мужскому делу. Мол, если начнет приставать, надо сразу в морду, чтобы понял. Оказалось, розыгрыш, подстава. Глист с порога помянул штурмана: не верь, братан, он всем так про меня врёт. Злится, вот и врёт…

«За что? – спросил Боров. – За что злится, а?»

«Рыло я ему начистил.»

«За что?!»

«За то,» – туманно объяснил Глист.

Если с Глистом дело наладилось, то капитана Боров боялся по сей день. Кэп ничем не показывал, что знает, из-за кого «Вкусняшку» загнали на мелкий каботаж, но Боров-то понимал: знает. Команда не в курсе, иначе уже устроили бы «тёмную», со свету сжили бы, а кэп ушлый, головастый. Хмурится, молчит, винит Борова во всех бедах. Его, небось, и сверху предупредили: «Взял твой парень левую девчонку? Взял. Кто не уследил? Кто был в доле? Кто молчал да покрывал? Теперь мучайся, плати по счетам.» Случалось, во взгляде капитана Боров читал – или полагал, что читает – острое желание уволить механика Вандерхузена к чертям собачьим. Дальше взгляда дело не шло, Боров по-

прежнему числился в составе команды. Почему? Должно быть, кэп имел на штрафника личные планы. Власти Ларгитаса из кожи вон лезли, стараясь зазвать к себе Мирру Джутхани, мать первого ларгитасского антиса, и капитан «Вкусняшки» надеялся, что если властям это удастся – им с Боровом выйдет послабление, а то и награда.

Иногда Боров думал, что жизнь чертовски несправедлива. Кто девчонку на борт принял? Старший механик Вандерхузен. Из-за кого девчонка антиса родила? Из-за старшего механика Вандерхузена. Нет, тот парнишка, телепат, тоже поучаствовал – только его дело маленькое, сунул-вынул, а куда бы он, дурачина, совал, если бы не старший механик Вандерхузен? То-то же! Старший, а теперь просто механик Вандерхузен первому ларгитасскому антису кто? Второй отец, а может, даже и не второй! С кем сучка-брамайни спала всю дорогу на Шадруван? Такому достойному человеку и гражданину что надо дать? Орден, государственную премию, пенсион до конца дней! А что дали человеку и гражданину? Вспомнишь – плюнешь…

От нервов он стал много есть. Много? Ну, больше обычного. Случалось, воровал из хранилищ. Двигаться стал мало, тоже от нервов. Мало? Ну, почти перестал. Где тут на корабле двигаться? Разве что умом двинешься, и ладушки. Возвращаясь на Ларгитас, Боров всякий раз давал себе зарок купить абонемент в тренажерный зал. Нет, зал – это морока. Лучше сходить в центр биоэнергетической клеточной коррекции. А еще лучше заглянуть на приём к врачу-телепату: поставить в мозг усилитель воспоминаний о еде на уровне сенсорного восприятия. Говорят, помогает в лучшем виде. Всё время помнишь, что сытно поел, и голод не мучит. Да, зарок. Так, с зароком, тряся животом и пыхтя от стыда, Вандерхузен и улетал в очередной рейс.

– Семеро! – отрапортовал Глист.

– Откуда? – возмутился Боров. После большой несправедливости он стал очень чувствителен к мелким. – Мы с тобой на полу. Койки две, если парами лягут – ещё четверо. Всего шесть, так?

Глист ухмыльнулся:

– Седьмой с нами ляжет, ближе к двери.

– С нами?!

– Ага. Гляди, ты лежишь так, я так, – Глист жестами вычертил на полу что-то вроде меловых фигур. Похожие контуры рисуют в ретро-фильмах на месте убийства. – Тут, у двери, свободное место. Седьмого положим, если не слишком крупный. Подросток точняком влезет…

– Разыгрываешь?

Глист не ответил.

Приказ упал как снег на голову. По всем жилым каютам было велено произвести замеры: сколько человек «Вкусняшка» может принять на борт сверх команды? Отдельно замерялись коридоры, служебные помещения и грузовые трюмы. Боров сгоряча решил, что сбылась его мечта – холодильники с туристами-мерзляками – но мехбригаде отдельным распоряжением поручили рассчитать вариант экстренного переключения с охлаждения на обогрев, и мечта рассыпалась хрустальными осколками.

– Ладно, – вслух сказал Боров. В животе у него заурчало: не от голода, от злости. Никогда механик Вандерхузен не мог вычислить заранее, говорит Глист всерьёз или готовит розыгрыш. – В каюте семеро. Трюмы набьём под завязку. Бросим матрасы в коридорах. И что? Зачем эти расчёты? Для какой статистики?

– Эвакуация, – разъяснил Глист. – Экстренная.

– Сдурел? Кого мы будем эвакуировать?

– Туристов. С Соны на Ларгитас. В случае вторжения в систему.

Боров похолодел. Это страшный сон, сказал он себе. Это страшный сон, я сейчас проснусь.

– Вторжение?

– Ну да! Ты что, новости не смотришь?

– Смотрю…

– А если смотришь, должен знать! Брамайны не сегодня-завтра к нам вломятся, антиса отбивать. В системе маневры, каждый день флоты гоняют, аж космос дыбом! А с нас, каботажников, спрос маленький – народ с Соны вывезти. По-быстрому, за один рейс, максимум за два.

– Только с Соны? А с астероидов?

– Рудники военными транспортами эвакуируют. Ты своё дело делай, чужое без тебя устроят.

– Вывезем?

Раньше Боров не понимал, что это значит: проникнуться важностью момента. Вот, понял, до печенок проникся.

– Должны, – кивнул Глист.

За миг до того, как Глист шутовски вытянулся по стойке «смирно», Боров увидел соседа в ином свете – увидел воочию, как будто Глист изменился на самом деле, а не в воображении Борова. Китель, ремни, погоны. Фуражка лихо сбита на затылок. Неуставной чуб из-под козырька.

– Старшина первой статьи Хлист! – бодро отрапортовал механик. – Транспортный корабль снабжения «Ловкач». Замначмех ходовой части, пять лет сверхсрочной службы. Награжден знаком отличия «Дубовый венок». К месту новой дислокации прибыл! Какие будут распоряжения?

За спиной отставного старшины, прямо над койкой Глиста, медленно вращалась голограмма – корабль неизвестной Борову конструкции, видимо, тот самый «Ловкач». Теперь стало ясно, почему там, где другие вешали «объемники» грудастых красоток, Якоб Хлист предпочел звездолет. Лучшие годы, подумал Боров. Проживи Глист сто пятьдесят лет – и на смертном одре он вспомнит службу, как лучшее время своей жизни. А может, единственное, когда он жил по-настоящему.

– Должны, – повторил Глист, выходя из образа. – Во-первых, нас много. Ты что, думал, одна «Вкусняшка» каюты мерит? Все системщики с рулетками бегают. Учения, значит, проверка. Гражданская оборона. Ага, проверка! Ищи дурака! Акселерашку бегом достраивают, авралом. В три смены пашут. Не успеют, нет…

Проект акселерационной «трубы» на силовых полях, связывающей планету со спутником, пошел в разработку семь лет назад. До пуска, если верить новостным каналам, оставалось два-три года минимум.

– А во-вторых, Сону потихоньку сворачивают.

– Как? Как сворачивают?!

Борову привиделся кошмар. Неведомая физика сворачивала Сону в рулон, и там, где раньше в ночном небе блестел спутник Ларгитаса, теперь зияла неприятная дыра.

– Гостиницы ставят на ремонт, пансионаты. Фестивали отменяют. Концерты переносят; ну, типа переносят. На неопределенный срок, без гарантии. Если ты билеты купил – деньги возвращают. Людей все меньше…

– Так надо закрыть Сону, и всё! Закрыть для посещений!

Глист рассмеялся:

– И всё? Паника, дружище. Паника – страшная штука. Запри нас на Ларгитасе, огороди железным кордоном, распорядись носа наружу не казать – мы же умом тронемся! Пикеты начем устраивать, требовать не пойми чего. Демонстрации, митинги… Добровольцы в военкоматы рекой хлынут.

– Ну и хорошо!

– Да куда уж лучше! На мясо их солить, добровольцев? Они же необученные, балласт. Кто их на боевой корабль пустит? А если дело до наземной свалки дойдет…

Глист махнул рукой: мол, даже думать не хочется.

– А всё ты, – добавил он. – Твоя работа.

– Что – я?

– Из-за тебя всё. Ты эту брамайни под нашего телепата подложил. Антис из-за тебя родился. Первый ларгитасский антис…

Глист шагнул к Борову. Взял за пуговицу:

– Мы, знаешь, как тобой гордимся? Ого-го как! И капитан, просто он виду не показывает. Скрытный он, кремень. А так гордится, уважает. Талисманом тебя зовет.

– Кем?

– Талисманом.

Твою ж мать, подумал Боров. В носу у него защипало. Вот они, красавчики. Орден, пенсион, государственная премия. Вот они, и других не надо.

Часть первая

Цель оправдывает средства

Глава первая

Вы и никто другой, или Если пакость исключена

I

Дорожка, выложенная трёхцветной брекчией, еле слышно поскрипывала под ногами. Не сбавляя шага, Тиран протянул руку и погладил пушистую лапу глянцево-зелёной инверсы. На ощупь хвоя была мягкой, шелковистой.

– Сюда, пожалуйста.

Они перешли мостик: ажурную дугу над искусственным ручьем. С виду игрушечный, не способный выдержать даже вес пятилетнего ребёнка, мостик спокойно пропустил бы штурмовой танк, даже не покачнувшись.

– Прошу вас.

Тиран отступил в сторону, давая дорогу начальству.

Беседка, куда они вошли, напоминала костёр. Темное пламя осеннего плюща охватывало её целиком. Пробиваясь сквозь завесу листьев, солнце окрашивало людей в сумрачный багрянец.

– Присаживайтесь.

Ротанговая скамейка прогнулась под весом генерал-лейтенанта Ван Цвольфа.

– Зачем? – брюзгливо спросил шеф Управления. – Зачем вам понадобилось прилетать сюда лично? Зачем вы вытащили меня из кабинета в парк? Мы прекрасно могли связаться обычным способом…

– Будьте любезны, включите конфидент-поле.

Не дожидаясь реакции начальства, Тиран активировал конфидент-режим на своем коммуникаторе. Секунду помедлив, Ван Цвольф сделал то же самое. Генерал-лейтенант был брюзгой, но дураком он не был. Если Ян Бреслау не хочет разговаривать в кабинете, выгоняя шефа в парк, если он считает, что одного конфидента мало, и настаивает на двойном покрытии – разговор пойдет серьезный, и лучше побыстрее добраться до сути, чем тратить время на пустые пререкания.

– Спасибо, – кивнул Тиран. – Перейдем к делу. Итак, меня посетил Скорпион…

– Покушение? – деловито уточнил Ван Цвольф. – Вам подбросили скорпиона? Вы кого-то подозреваете, Бреслау?

Шеф замолчал. Кажется, до него дошла разница между «подбросили» и «посетил».

– Скорпион? – хрипло повторил он. – Вы имеете в виду сякконских палачей? Этого не может быть!

Тиран развел руками: может.

– Как он вошел? Куда смотрела охрана?!

Тиран ждал, пока шеф успокоится. Вопросы не требовали ответа: Ван Цвольф отлично знал, что Скорпионы входят без спроса, а охрана смотрит туда, куда ей велят Скорпионы. Начальство просто сбрасывало возбуждение, не рассчитывая на комментарии подчинённых. Тиран вспомнил, сколько времени он сам приходил в себя после Скорпионьего визита, и отметил, что Ван Цвольф ещё неплохо держится.

– Чего он от вас хотел, Бреслау?

– Информации.

– Какой именно?

Судя по голосу, к шефу вернулось самообладание. Судя по цвету лица… В этой беседке у обоих мужчин был такой цвет лица, словно их вот-вот хватит апоплексический удар.

– Одну минутку…

Вместо ответа Тиран нашел на коммуникаторе соответствующую аудиозапись и включил воспроизведение.

– Бреслау-сан, – прозвучал мягкий, обманчиво доброжелательный голос, – клан даёт вам шесть месяцев. Ваша задача – собрать убедительные доказательства вашей невиновности в гибели доктора Ван Фрассен. Собрать и предоставить клану. Через полгода я приду за ними, и надеюсь, что клан сочтёт доказательную базу исчерпывающей. Спокойной ночи, господа! Не провожайте меня, я найду дорогу.

– Не провожайте, – буркнул Ван Цвольф. – Как будто я собирался…

– Это он не вам, – пояснил Тиран.

– Кто был с вами во время его визита?

– Гюнтер Сандерсон.

– Как вы допустили? Какое вы имели право рисковать кавалером Сандерсоном?!

– Мальчик – телепат. Мальчик примчался меня защищать. Я знать не знал, что он почует Скорпиона – и ринется на подмогу.

– Ладно, не оправдывайтесь. Извините меня, Бреслау. Я взволнован, вот и нападаю на вас. Сказать, что я потрясен – значит, ничего не сказать. Только Скорпионов нам в нашей банке не хватало… Прокрутите ещё раз.

– …клан даёт вам шесть месяцев…

Шеф внимательно слушал.

– …убедительные доказательства вашей невиновности в гибели доктора Ван Фрассен… Через полгода я приду за ними… надеюсь, что клан сочтёт доказательную базу исчерпывающей…

– Почему они винят вас, Бреслау?

– Воспоминания. У них в руках, – Тиран замялся, понимая, что оборот «в руках» сомнителен, а оборот «в мозгах» прозвучит глупо. – Они заполучили воспоминания человека, подготовившего авиакатастрофу «стрекозы». Джеон,

храм Ма-А’рих…

– Я помню, – отмахнулся Ван Цвольф. – Дальше!

Желая избежать лишних объяснений, Тиран включил запись:

– Допустим, пассажиры «стрекозы» погибли в подстроенной аварии…

До встречи с начальством Ян Бреслау раз двадцать прослушал свою беседу со Скорпионом. Казалось бы, должен был привыкнуть. Ничего подобного, сейчас слова сякконца звучали приговором даже в большей степени, чем раньше, когда Тиран внимал им без свидетелей, если не считать молодого Сандерсона.

– …тогда вы, Бреслау-сан, виновны в их смерти. Причина меня не интересует, только вина. Допустим, в упавшей «стрекозе» были найдены трупы совсем других людей. Но на Ларгитасе состоялись похороны несчастных, и значит, вы в курсе, что произошло с дипломатом Зоммерфельдом и его спутниками. Если они мертвы, вы, скорее всего, опять же виновны в их гибели…

И заключительная реплика:

– Если вы – виновник её смерти, отвечать будете вы, и никто другой.

– Ещё раз! – велел генерал-лейтенант.

– Если вы – виновник её смерти, отвечать будете вы, и никто другой.

– Ещё!

– …вы, и никто другой.

Ван Цвольф кивнул:

– Вы, и никто другой. Никто другой, только вы.

Ян Бреслау еле сдержался, чтобы не задушить шефа. Порыв к рукоприкладству был не из тех, которые часто посещали Тирана, но визит Скорпиона ударил по Бреслау больнее, чем хотелось бы. Железная выдержка дала трещину. Распоряжаться судьбами других, пусть даже и расплачиваясь за это угрызениями совести, оказалось проще, чем отдать свою собственную судьбу в чужое распоряжение. Полгода, отпущенные ему палачом сякконского клана телепатов, Тиран воспринял как диагноз смертельной болезни. Известно заболевание, известен срок, назначенный природой. В случае отсутствия лечения – смерть. Нет, не смерть – хуже. Орудиями пытки Скорпионы выбирают родственников приговоренного, его друзей, близких людей. Жестоко? Несправедливо? На Сякко особенные представления о справедливости и милосердии. Когда Скорпионов выпускают из банки, их задача – сделать так, чтобы в итоге людей трясло от одной идеи причинить вред членам клана. Ян Бреслау отметил, что его трясет, значит, метод работает. Друзей у меня нет, подумал он. Близкие люди? Тоже, пожалуй, нет. Жена? Дочь? Бывшая жена, с которой они давно развелись? Если уж сякконец возьмется за семью… Тиран поймал себя на мысли, что просит, умоляет Скорпиона выбрать в качестве инструмента бывшую жену – и содрогнулся от омерзения к самому себе. Я надеялся, подумал он. Надеялся, что смогу переложить ответственность на чужие плечи. Что Ван Цвольф примет решение, а мне останется только выслушать его… Как мне поступить? Что предпринять?!

И Ян Бреслау, носящий прозвище Тиран, пошел кратчайшим путем.

– Я подготовил рапорт, – произнёс он, стараясь, чтобы голос звучал как обычно: ровно и сухо. – Я прошу вас разрешить мне ознакомить Скорпиона с обстоятельствами исчезновения доктора Ван Фрассен.

Кратчайший путь закончился, не начавшись.

– Нет, – отрезал шеф. – Запрещаю.

В беседке, похожей на костёр, Тирану стало жарко. Кровь ударила в голову, в ушах поселился комариный писк.

– Причины отказа?

– Эта информация засекречена. Вы давали подписку о неразглашении.

– Не думаю, что мой отчёт пойдет дальше сякконского клана. Им неинтересны секреты такого рода. Их интересует другое: виновен я в смерти Регины Ван Фрассен или невиновен.

– Эта информация засекречена, – повторил генерал-лейтенант. Пальцы левой руки Ван Цвольфа беззвучно барабанили по колену: быстро, быстрее, еще быстрее. – Как высокопоставленный сотрудник Управления научной разведки, вы не имеете права разглашать ее постороннему. Кроме того…

Он помолчал. Лишь пальцы продолжали отбивать дробь.

– Кроме того, вы отлично помните, по какой причине закрылся Саркофаг на Шадруване.

О да, Тиран помнил. Он прекрасно помнил, как во время экстренного сеанса гиперсвязи с экспедицией, высаженной в Скорлупу – ещё расколотую, ещё не ставшую Саркофагом – в разговор вклинился адмирал Шармаль, командующий Третьим флотом ВКС Элула. «Десанта не будет, – сообщил гематр, холодный как ледник в горах. – Повторяю: десанта не будет. Наземный «цирк», окруженный тем, что вы называете Скорлупой, подвергнется бомбардировке. Все живое в «цирке» будет уничтожено. Все материальные объекты будут уничтожены. «Цирк» будет заражен радиацией, исключающей нахождение человека даже в спецсредствах защиты.» И добавил с космическим равнодушием: «Мне очень жаль.» Вы за это ответите, угрожал Тиран. Вы не имеете права! «Официально планета необитаема, – гематр пожал плечами. – За что мне отвечать?» Там люди, кричал Тиран. «Там никого нет, – адмирал был непреклонен. – И вы, Бреслау, понимаете это не хуже меня. Вы так старались, чтобы там никого не было. Ни единого свидетельства, прошедшего регистрацию в канцеляриях Лиги. Ни одного официального документа в вашу пользу…»

Он помнил это так, будто трагедия случилась вчера.

– Бомбардировка Шадрувана гематрами, – произносить это вслух не было нужды, но генерал-лейтенант Ван Цвольф отчеканил три слова так, словно заколотил тремя гвоздями крышку Тиранова гроба. – Вы не сможете озвучить Скорпиону обстоятельства дела, не упомянув гематров и бомбы, упавшие на Шадруван. Полагаю, гематры сильно обидятся, узнав, что мы делимся такими сведениями с Сякко. Даже учитывая форс-мажорные обстоятельства…

«Даже ради спасения вашей жизни, Бреслау,» – вот что прозвучало на самом деле. Три гвоздя, вздрогнул Тиран. Три слова, три гвоздя. Гроб заколачивают четырьмя гвоздями. Почему медлит четвертый?

Он цеплялся за соломинку.

– Я все-таки отправлю рапорт.

– Отправляйте, – кивнул шеф. – Я изучу его. И ещё, Бреслау…

Ван Цвольф встал:

– Хорошо, что вы доложили мне о визите Скорпиона. Хорошо, что вы сделали это по собственной воле, без принуждения. Это говорит в вашу пользу. Я вам верю, Бреслау. Вы меня никогда не разочаровывали.

Луч солнца, прорвавшись сквозь завесу листьев, зажег нимб над головой Тирана. Тиран не видел нимба, но чувствовал: есть, горит. Юмор судьбы нравился ему даже меньше, чем похвала начальства.

II

– Я рад представить нашего сегодняшнего гостя! Я вдвойне рад, потому что он не нуждается в представлении!

Ведущий полит-шоу «Махаратха», самой рейтинговой программы на канале «Чайтра-1», сияет так, что в плазменных софитах нет никакой надобности.

– Духовный лидер расы! Учитель и подвижник! – знаки восклицания он вбивает, как гвозди, прямо в мозги благодарной публики. – Встречайте: уважаемый Вьяса Горакша-натх! Он любезно согласился дать нам эксклюзивное интервью в прямом эфире и ответить на ряд животрепещущих вопросов.

Изображение в контрольной сфере плавно смещается. Оператор кивает: «Вы в кадре». Горакша-натх поднимает правую руку, приветствуя зрителей ардха патака мудрой – символом жизни и благословения. Повисает непредвиденная

пауза: ведущий ждёт, что гуру что-нибудь скажет, но йогин молчит.

– Речь у нас пойдёт, – частит ведущий, торопясь восстановить ритм действия, – о чайтранском антисе Натху Джутхани. О ребенке, вероломно похищенном техноложцами Ларгитаса! Буря справедливого гнева всколыхнула все планеты расы Брамайн! Учитель, вы были первым, кто во всеуслышание поведал народу правду об этом возмутительном преступлении. Наши зрители хотят услышать от вас: как вы оцениваете нынешнее развитие событий? Достаточно ли усилий прилагает правительство для возвращения мальчика на родину?

Гуру еле заметно пожимает плечами:

– Любые усилия следует оценивать по результату.

– Да! Да!!!

– Лишь достигнув цели, мы можем сказать, достаточно ли потрудились.

– Трижды да!

– Но у меня сложилось впечатление, что наше правительство не совсем верно оценивает ситуацию в целом.

– Даже так? Что вы имеете в виду?! – глаза ведущего загораются неподдельным интересом: наклёвывается скандал, а значит, сенсация. – Поясните, пожалуйста.

– У меня к вам вопрос. К вам и ко всем зрителям. По какой причине мы добиваемся возвращения Натху Джутхани домой, в лоно расы Брамайн?

Ведущий теряет дар речи. В вопросе кроется подвох, но какой именно? Мешкать с ответом, теряя лицо, тоже нельзя.

– Это же очевидно! – растерянность прячется за щитом добродушной улыбки. – Натху – брамайнский антис! Ларгитас обязан вернуть его нам!

– А Ларгитас утверждает, что отцом Натху является Гюнтер Сандерсон, гражданин Ларгитаса. Следовательно, они имеют на мальчика точно такие же,

если не бо?льшие права. Нам известно, что душа человека, влекомая кармой, поселяется в мужском семени, дабы невозбранно упасть в материнское лоно…

– Это ложь! – ведущий издает горлом странный звук: икает или готов раскашляться. – Грязная пропаганда!

– Вы о душе, влекомой кармой?

– Нет! Кто я такой, чтобы подвергать сомнению знание древних? Я о правах Ларгитаса на ребёнка. Это невозможно! Тысячу раз невозможно! Миллион!!!

– Почему?

Нервным жестом ведущий поправляет тюрбан. Тюрбан сидит идеально, но прикосновение пальцев к гладкому шёлку успокаивает.

– Учитель, вы хотите, чтобы я озвучил общеизвестную истину? Извольте. Расовые свойства не передаются при смешанных браках. Следовательно, ларгитасец не может быть отцом Натху Джутхани!

– В ответ ларгитасцы ссылаются на эксперимент профессора Штильнера, когда расовые свойства были успешно переданы детям от смешанного брака. Напоминают о волновом слепке Натху: его спектр не полностью соответствует спектру брамайнского антиса. Также они приводят данные генетической экспертизы…

– И вы верите их лживым заявлениям?!

То, что ведущий отваживается вновь перебить гуру, объясняется лишь его потрясением. Рушатся устои, мир катится в тартарары?: духовный лидер расы выступает в защиту подлых техноложцев!

– Мою личную веру оставим в покое. Я просто хочу продемонстрировать вам и всем зрителям: мы идём по неверному пути. Сосредоточились на пустяках, упуская из виду суть дела. Представьте на миг, что завтра Ларгитас выдвинет неопровержимые доказательства отцовства Гюнтера Сандерсона…

– Не могу!

– Чисто теоретически?

– Не могу!!!

– А я могу. И что тогда? Мы отступимся?

– Нет!

– Прекратим попытки вернуть Натху?

– Ни за что!

– Но почему? Если вдруг окажется, что Гюнтер Сандерсон – его отец? Что Ларгитас в своём праве?

– Тысячу раз нет! Не отдадим!

– Правильно. И я вам отвечу, почему.

Гуру встаёт, выпрямляется во весь рост. Оператор на высоте: успевает сменить план, пока йогин поднимается из кресла. Теперь Горакша-натх в кадре целиком – так, как он и рассчитывал.

– Не имеет значения, сколько процентов брамайнской крови течет в жилах Натху. Не важно, кто его отец. Важно, что Натху – антис. Наш антис! Аватара Марути Озорника, великого бессмертного. Мальчик вышел в большое тело и выжил в открытом космосе среди чудовищ. Это ли не чудо храбрости? Уходя в волну, мальчик уберёг свою мать от последствий «горячего старта». Это ли не чудо любви? Его отец техноложец? Это ли не чудо из чудес?! Это послание нашей расе. Невозможного нет, говорят боги. Даже если Натху не вполне чист, как брамайн, по крови – он брамайн по духу, больше, чем вы или я. «Узрите, – говорят боги. – Узрите путь! Если божественный дух пробудился в этом мальчике – тот же дух способен пробудить в себе каждый из вас!»

Отметив восторг, написанный на лице ведущего, гуру подводит итог:

– Натху – чудо, дарованное свыше. Мы будем достойны этого чуда. Мы вернём его любым путём, любыми средствами.

– Любыми, учитель?

Голос ведущего дрожит.

– Да, – спокойно отвечает йогин. – Никакая цена на этом пути не будет чрезмерной.

* * *

На входе в античский центр его просят приложить ладонь к папиллярному идентификатору. Ещё три недели назад в холле «Велета» не было ни идентификатора, ни турникета. Пост охраны имелся, но выглядел несерьёзно, как и скучающий вахтёр: пожилой дядька в мешковатой, вечно мятой куртке. Теперь всё преобразилось: морозные отблески титанопласта, блеск армированного плексанола, эмиттеры силового поля, камеры наблюдения, системы оповещения, пульт управления… За пультом окопался бритоголовый оператор с фигурой атлета. Компанию ему составляют трое бдительных охранников: форма идеально подогнана, на поясе – оружие и портативные генераторы защитного поля.

Подобные меры предосторожности кажутся гуру излишними, но не в его привычках соваться со своим уставом в чужую обитель. Йогин прикладывает ладонь куда следует, охранник глядит в «контрольку» и молча кивает: «Проходите». Кивая, он уже набирает какой-то код – выполняет инструкцию, сообщая о посетителе кому положено.

Больше его не задерживают. Впрочем, поднимаясь на второй этаж, где располагается кабинет генерала Бхимасены, гуру ощущает на себе пристальное внимание устройств слежения. Знакомое чувство: Горакша-натх привык к нему, навещая Мирру Джутхани.

– Заходите, Вьяса-джи. Пять минут…

Генерал сверяется со строкой таймера, мерцающей в нижней части развернутой перед ним голосферы:

– Пять минут и двадцать три секунды, и я всецело в вашем распоряжении.

В сфере идёт штурм. Люди в серой форме без знаков различия атакуют укрепленный пункт. Они уже внутри, пробиваются на нижние ярусы. Каменные кишки подземелий изрыгают фагоцитов-защитников в мундирах цвета песка, высушенного солнцем. Звук генерал выставил на минимум, до гуру едва доносится рваный треск выстрелов. Кажется, где-то вдалеке раздирают на части плотную ткань. «Серые» рвутся вперед: похоже, они очень торопятся. «Песочные» упираются, каждый метр приходится брать с боем. В стерильном свете бестеневых ламп полыхают лилово-голубые молнии разрядов. Чепуха, думает гуру. Настоящее сражение выглядит иначе. В боевых действиях Горакша-натх полный профан, но детские воспоминания о боевиках, транслируемых по визору, подсказывают, что лучевики стреляют бесшумно, импульсники визжат, а после залпа из плазматоров остаётся не тело без видимых повреждений, а обугленный труп или кучка спёкшегося пепла.

– Учения? – озвучивает он свою догадку.

– Вроде того.

В голосе генерала звучит уныние. «Серые» пробиваются на следующий уровень и попадают под шквал огня. Минута, и всё кончено: штурмующие полегли на поле брани.

Сфера гаснет.

– Прошу прощения, Вьяса-джи.

– За что?

– Я заставил вас ждать.

Горакша-натх не сомневается, что генерал смотрел запись, а не прямую трансляцию. Значит, мог остановить её в любой момент, тем более, что его

предупредили с поста охраны о визите гуру. Но Бхимасена хотел, чтобы гость тоже увидел штурм. Ждёт, когда гуру спросит первым?

– Что мы сейчас видели, Рама-джи?

– Отработку спецоперации.

Да, убеждается йогин. Меня приглашают задать следующий вопрос. Не будем разочаровывать генерала. Самый простой путь к цели – дать человеку то, чего он ждёт.

– Вы вернулись… Как это у вас называется? А, вспомнил. На действительную воинскую службу? Насколько я понимаю, антические центры не курируют спецоперации. Или я ошибаюсь?

– Таких спецопераций ещё не было, Вьяса-джи. Она строго по нашему ведомству.

– Надеюсь, это не военная тайна?

– Тайна. Военная и государственная.

– Тогда молчите. Я не хочу подвести вас под трибунал.

– Тайна, но не для вас. Ведь это вы подсказали нам идею! Кстати, спасибо. Инициирующий выстрел в голову, помните? Выстрел, который вынудит Натху выйти в большое тело. А в космосе его перехватят наши взрослые антисы. Но для выстрела отряду нужно добраться до мальчика.

Генерал мрачнеет.

– Вам это не удаётся?

– Пока не удаётся. Мы максимально точно воспроизвели укреплённый комплекс ларгитасцев. Техническое оснащение, система охраны… Благо, у нас есть похожее сооружение. По расчётам экспертов, Натху содержат где-то между минус седьмым и минус одиннадцатым уровнем. На месте бойцы сориентируются по медицинскому блоку и помещениям обслуживающего

персонала. Они должны находиться на том же уровне – для скорейшего доступа персонала к мальчику. Наш лучший результат – минус пятый уровень. Ниже группа не проходит.

Он близок к отчаянию, понимает гуру. Генерал всё поставил на этот план, но неудача следует за неудачей. Посылать людей на верную, а главное, бессмысленную смерть Бхимасена не станет. Сейчас генерал хватается за соломинку: если Горакша-натх сумел подсказать решение – возможно, он подскажет ещё раз? Увы, вздыхает гуру. Жаль его разочаровывать.

– Сопротивление охраны?

Йогин спрашивает из вежливости. Он хочет дать Бхимасене возможность выговориться.

– Не только. Даже если группа не погибает всем составом, защитники бункера успевают вызвать подкрепление и заблокировать нижние уровни. Проклятая ларгитасская техника!

В сердцах Бхимасена лупит кулаком по журнальному столику. Столик жалобно хрустит, и генерал, устыдившись своей вспышки, умолкает.

– Техника?

– Да! Системы наблюдения, связи, блокировки – у них уйма всяких систем. Боюсь, мы не всё сумели воспроизвести: новейшие разработки Ларгитас держит в строжайшем секрете.

– В бункере имеется автономный источник питания?

– Конечно.

– Какой?

– Скорее всего, термоядерный реактор с установкой Тора-Хаусмана и конвертором нейтронов в антинейтрино. У нас на полигоне стоит такой же. На Ларгитасе бункер строился не вчера, но вряд ли они меняли реактор: модель

проверенная, надёжная…

С минуту гуру молчит, размышляя. Генерал затаивает дыхание. Он боится шумным выдохом погасить затеплившийся огонёк надежды.

– Когда намечена следующая тренировка спецгруппы?

– Завтра. В десять утра.

– Я бы хотел присутствовать.

III

– Вы хотели меня видеть?

– Да.

– Зачем?

Гюнтер поймал себя на том, что озирается по сторонам. В кабинете Тирана он испытывал нервозность, которую нельзя было объяснить разумными причинами. Страх перед «горячим стартом» Натху? Это могло случиться в любой момент. Сидишь ты на третьем этаже, стоишь на пятом, вышел погулять на свежий воздух – последствия в любом случае будут одинаковы. Нет, этот страх ушел и не возвращался. Страх перед Скорпионом? Ерунда, сякконец не вернется. Полгода, сказал Скорпион, и он сдержит слово. Или не сдержит, если клан найдет неопровержимые доказательства вины Яна Бреслау в гибели женщины с флейтой. Придет Скорпион в назначенный срок, явится до срока – в любом случае Гюнтеру ничего не угрожает. Если, конечно, кавалер Сандерсон сдуру не кинется в бой. А кавалер Сандерсон не кинется, потому что когда Скорпион приползет во второй раз, кавалера Сандерсона не будет поблизости – сякконцы не дураки, второй раз они не повторят своей ошибки. Значит, не «горячий старт» и не Скорпион. Нервы, почему вы шалите?

Я скрыл от него, что мальчик – ментал, думал Гюнтер, глядя на сумрачного Тирана. Он знает, что Натху – антис, и это всё. Я не просто спрятал тайну в карман. Я хочу еще и разобраться в ней по-семейному, без посторонних. Я

трясусь над тайной, как сказочный дракон над грудой сокровищ. Если Бреслау узнает…

Страх получил имя – Ян Бреслау.

– Я хочу встретиться с доктором Йохансоном, – без приглашения Гюнтер сел на кушетку. В последнее время его тянуло на резкие, демонстративные поступки, бунтарство в мелочах. Чем мягче он вел себя с сыном, тем чаще в самом Гюнтере просыпался ершистый подросток. – Нам необходимо обсудить ряд вопросов.

– Вопросы? Какие именно?

– Профессиональные.

– Конкретизируйте.

– Это касается Натху. Согласно вашим рекомендациям, я бомбардирую ребёнка позитивом. Мои модели чувств становятся всё сложнее. Ближайший аналог: лекарственный коктейль. Коктейль и точное расписание часов приёма. Это дает результат, вы сами видите…

Не сводя с Гюнтера глаз, Тиран кивнул. После визита Скорпиона, когда молодой человек, рискуя жизнью, примчался Бреслау на помощь, в отношениях Тирана и Гюнтера наметилось потепление. Гюнтер чувствовал это, не ослабляя ментальных блоков. Доверие. Уважение. Симпатия. Личностная окраска. Гюнтеру было стыдно, но он собирался использовать это в корыстных целях.

– Вижу. Мальчик всё меньше…

Тиран замялся, подыскивая слово.

– Занимается йогой, – подсказал Гюнтер. – Раньше он на любую попытку контакта отвечал изменением позы. Асаны, как говорят брамайны. Сейчас он отвечает эмоциями.

– Жестами, – уточнил Тиран. – Мимикой.

– Эмоциями. Это вы видите жесты и мимику. А я чувствую эмоции Натху – и отмечаю: реакция соответствует раздражителю, а жесты и мимика соответствуют чувственному содержанию. Он, я бы сказал, очеловечивается.

– Как говорят брамайны, – задумчиво повторил Тиран. – Почему Натху не говорит? Ему семь лет… Хорошо, ему четыре года. По физическому развитию – четыре. По умственному… Тут мы теряемся в догадках. Но хотя бы самое простое: мама, папа, дай…

– Две тысячи. В четыре года у ребенка должно быть две тысячи слов в активном лексиконе. На момент инициации он наверняка говорил. Или нет? Вы от меня что-то скрываете?

Тиран пожал плечами:

– Мы не знаем. Скорее всего, говорил. А сейчас молчит.

– Полагаю, он не видит необходимости в устной речи. Слова – модели, а мальчик оперирует исходными образами. Модель всегда ущербна по отношению…

Гюнтер осекся. Вступив на скользкую дорожку, он чуть не выболтал Тирану секрет, который собирался держать про запас. Но да, дело обстояло именно так: после первого ментального контакта с отцом, сняв энграмму шадруванской «путанки», Натху все больше реагировал на раздражители по-человечески. Гюнтер даже пугался, узнавая в поведении Натху свои собственные реакции – в большей, в гораздо большей степени, чем это бывает при сходстве отца и сына. Снял энграмму? Случалось, Гюнтер думал о сыне, как о флуктуации: съел энграмму. Съел, переварил, извлек полезные вещества, извергнул отходы. Теперь отцовская энграмма, матрица нарушений, вызванных «путанкой» – часть Натху. И обычная, природная, естественная связь причин и следствий, раздражителей и реакций – тоже часть Натху. И та, которую он приобрел, летая со стаей флуктуаций – тоже его часть. Естественную связь он принял как рабочую матрицу в отношениях с отцом и нянечками, что демонстрирует ежедневно. Но это не мешало ребенку в любой момент, при необходимости или по желанию, переключаться на иную схему: путаную шадруванскую, флуктуативную, йогинскую. Ключевой в этом безумном калейдоскопе Гюнтер считал «путанку» – именно шадруванский раздрай, помноженный на зачатие Натху, привел к тому, что мальчик потянулся к отцу. Свой, подсказала энграмма

«путанки». Свой, такой же, как я, похожий, родственная душа…

Человеческие эмоции – пища флуктуаций. И даже не пища, а деликатес, изысканное блюдо на десерт. Гюнтер был для Натху натуральным банкетом. Находясь в малом теле, Натху не мог «высосать» отца, причинить ему вред, как делали флуктуации, нападая на корабли – в плотском облике Гюнтер был неизмеримо сильнее мальчика. В такой ситуации «свой», «похожий» автоматически трансформировалось в «вожак», «лидер». Желая угодить отцу, Натху старался увеличить сходство со старшим членом стаи – и быстро учился человеческим реакциям, причинно-следственным связям.

– Почему?

– Что – почему?

С головой уйдя в размышления, Гюнтер не понял вопроса, заданного Тираном.

– Почему сразу после инициации мальчик не вернулся в малое тело? По-моему, он достаточно любил мать, чтобы стремиться вернуться к ней.

– Возврат домой, – Гюнтер был рад смене темы, – связан у Натху с негативными эмоциями. Я имею в виду, возврат на Хельму, откуда он стартовал. Мать, ее грубиян-сожитель, чужаки, насилие… Ребенок испугался. Учитывая его чувствительность, повышенную как у любого…

Стоп. Хватит.

К счастью, Тиран пропустил опасную реплику мимо ушей. Он даже не обратил внимания на то, что Гюнтер захлопнул рот, не закончив фразы. Сегодня Ян Бреслау был сам на себя не похож. Он слушал и не слышал, спрашивал и не ждал ответа. Кукла, пришло на ум Гюнтеру. Говорящая кукла. Настоящий Тиран не здесь, он далеко. Он уже умер, просто не до конца признал это, вот и ходит, дышит, работает. Откуда такие странные, такие жуткие мысли? Кавалер Сандерсон привык доверять своей интуиции. Тиран сегодня улетал куда-то – Гюнтер пытался встретиться с ним утром, но молодому человеку сказали: Бреслау нет, вернется днём, ближе к вечеру. Вернулся, значит. Кажется, визит Скорпиона повлиял на него меньше, чем нынешняя встреча. Гюнтеру не составило бы труда влезть к собеседнику в мозг, выяснить причины, способные

превратить человека в куклу, но запреты держали крепко. Они въелись в плоть и кровь, стали второй доминирующей сущностью – экзамен на социализацию Гюнтер сдал на «отлично». Хотя общение с Натху мало-помалу расшатывало эти запреты, подводило тоннели под бастионы социализации, закладывало мины.

– Я хочу встретиться с доктором Йохансоном, – напомнил Гюнтер.

Сокрытие факта ментальной одаренности мальчика. Беседа с Йохансоном была вторым шагом по этой опасной дорожке. Признаться, подумал Гюнтер. Открыть всё Тирану. Снять с себя ответственность. Зачем мне эта ноша? Он мысленно повторил вопрос – и дал ответ. Ответ, ответственность – слова одного корня, одной семьи, как отец и сын. Менталы держатся друг за дружку, этому их учат еще в специнтернатах – верней, не учат, этому менталы учатся сами, живя в компании, где у всех мозги – приёмо-передающие станции.

Ответственность получила имя – Натху Сандерсон.

– Хорошо, – кивнул Тиран. – Я организую встречу.

– Не откладывайте. Мне бы не хотелось навредить ребёнку.

– Сегодня вас устроит?

IV

– Сколько человек в группе?

Сияющее чайтранское солнце висит над далёкими горами. Косые лучи навылет простреливают чахлое редколесье, расчерчивают кочковатую землю штрих-кодами длинных, резко обозначенных теней. Воздух накаляется, деревья потеют, дышат смолистыми ароматами. Звенит одинокая цикада, но откуда исходит звук, определить решительно невозможно.

– Восемь.

– Почему так мало?

– Больше мы не сумеем забросить на Ларгитас.

Гуру кивает, принимая объяснение, и глядит в бинокль, выданный ему генералом. Пальцы гладят кожу квазиживого прибора, тёплую и упругую. Оптический биомеханизм меняет настройку, дает плавное приближение объекта. Забор из профнастила с кирпичными столбами. Откатные ворота. За забором – двухэтажное здание с плоской крышей. Ничего примечательного: стандартный нанобетон унылого болотного цвета. Справа от дверей стену украшает разухабистое объемное граффити: из-под земли выбирается исполинский ядовито-розовый червяк, готовясь проглотить безмятежного человечка. Рисунок обрамляет стилизованная надпись на унилингве: «Природа полна сюрпризов!» Со слов Бхимасены гуру знает: ларгитасский бункер снаружи выглядит именно так. Остроумная маскировка, надо отдать техноложцам должное. Кто заподозрит секретный военный объект в невзрачной халабуде, изрисованной граффити?!

Широкие окна второго этажа без всяких признаков решёток или иной защиты. Они криком кричат: добро пожаловать! Забраться в здание – раз плюнуть! Окна – обманка, они ведут в наглухо замурованные ниши. Устаревшая камера над входом. Скучают двое охранников, вооружённых парализаторами. Региональный офис экологического надзора? Егерская служба заповедника? Что угодно, только не бункер-лаборатория, чьи помещения уходят на двадцать ярусов вглубь земли.

Гуру не знает, как брамайнской разведке удалось вычислить местонахождение Натху на Ларгитасе. Данные разведки заслуживают доверия: без точной информации, где держат мальчика, вся затея лишается смысла.

– Они ведут наблюдение за окрестностями?

– Разумеется. Но стараются не слишком себя обнаруживать. Камеры и датчики на каждом дереве, туча дронов в воздухе – это выглядело бы подозрительно. Секретность, секретность и ещё раз секретность! Это нам на руку. Эксперты утверждают: у нас есть шанс подобраться незамеченными на сто метров к зданию.

– Экспертам можно доверять?

– Можно. При том способе доставки, который мы наметили…

Генерал резко меняет тему:

– Видите кусты с жёлтыми цветами? Они – наш рубеж атаки.

– Как обычно действуют ваши люди?

До прибытия спецгруппы остаётся двадцать минут.

– Скрытно выдвигаются на рубеж, броском преодолевают забор. Дистанционно нейтрализуют наружную охрану, ослепляют камеры – и рывок к объекту. Тут возникает первая сложность: насколько быстро удастся вскрыть наружные двери.

Горакша-натх в бинокль изучает вход в здание. Он хорошо помнит, что скрывалось под трухлявым деревом дверей, ведущих к обиталищу Мирры Джутхани.

– Что в этом случае делают ваши люди?

– Мощным электромагнитным импульсом выводят из строя запорные устройства.

– В бункере срабатывает сигнал тревоги?

– Да. С этого момента каждая секунда на счету.

– А если сигнализация не сработает?

– У вас есть знакомый волшебник?

– И всё же?

– Если такое случится, охрана внутри не узнает о проникновении. Значит, они не станут подниматься наверх, чтобы выяснить, что происходит, не вызовут подкрепление, не заблокируют нижние уровни. Короче, мы застанем

ларгитасцев врасплох. Но для этого нужен хакер, каких ещё не рождалось в Ойкумене. Или, если угодно, чудо.

– Мы можем подойти к рубежу атаки? – теперь уже йогин меняет тему. – Я хочу посмотреть вблизи.

Генерал бросает взгляд на часовой браслет-татуировку – шестнадцать минут до прибытия группы – и кивает, поднимаясь из укрытия. Гуру следует за Бхимасеной. Сегодня Горакша-натх одет в серую военную форму без знаков различия – такую же, как у бойцов на записи. Форма непривычна, но на удивление удобна. Хмыкая от восхищения, Бхимасена наблюдает, как его спутник ловко скользит меж деревьями, сливаясь с тенями, возникает там, где его, по идее, не должно быть, и вновь пропадает. «Не знаю, что приобрела йога, – отмечает Бхимасена, – но разведка много потеряла, лишившись этого человека.»

У генерала рябит в глазах.

Добравшись до кустов, пестрящих гроздьями соцветий, Горакша-натх опускается на землю и принимает позу лотоса – столь естественно, словно родился в ней. Генерал не удивился бы, узнав, что так оно и было. Свойственных новичкам попыток выглянуть из-за кустарника, рискуя обнаружить себя, гуру не предпринимает. Он вообще не шевелится, как если бы погрузился в глубокую медитацию. Время идёт, генерал всё чаще косится на браслет-татуировку, но когда до прибытия группы остаётся три минуты, Горакша-натх оживает и поворачивается к Бхимасене.

– Надеюсь, вы позволите мне внести коррективы в сегодняшние учения?

Генерал колеблется не больше секунды.

* * *

– Со всем уважением и припаданием к вашим лотосным стопам, гуру-махараджа…

Поджарого бородача представили йогину как субедар-майора Марвари. Субедар – само почтение, но на дне глаз старшего группы прячется ирония.

– …хочу заметить: разве вы разбираетесь в военном деле? В спецоперациях?

– Пожалуйста, не называйте меня так. Вы не мой ученик, между нами нет отношений наставника и последователя.

– Да? – бородач изумлён. – А по-моему, есть! Кто тут собрался учить нас воевать, если не вы, гуру-махараджа?

Бойцы ухмыляются. Впервые гуру не знает, что ответить. Субедар прав, с такой точки зрения Горакша-натх ситуацию не рассматривал, и зря. За плечом звучит грозное сопение. Гуру спешит вскинуть руку в упреждающем жесте: генерал Бхимасена вознамерился призвать бойцов к порядку, а это лишнее.

– Хорошо, Марвари-бхай, – к имени собеседника йогин добавляет приставку «старший брат», вслух признавая его старшинство. – Зовите меня так, как вам будет удобно. И поверьте, что я далек от мысли учить вас тому, чего сам не знаю.

– Вижу, легенды о вашей честности не врут.

– Честность – добродетель. Но цель важнее. Если для достижения цели потребуется солгать, я солгу.

– Это по-нашему! – сжав кулак, субедар с одобрением оттопыривает большой палец. – Итак, вы, духовный учитель, ни разу не державший в руках оружие, хотите изменить план штурма. Полагаете, ваш план сработает лучше? Почему?

Йогин молчит.

– Он хакер! – хохочет молодой боец. – Круто!

Йогин улыбается. Боец бледнеет.

– Давайте попробуем, – субедар задвигает шутника, утратившего дар речи, себе за спину. – Наш рекорд – минус пятый уровень. Если с вашей помощью мы выйдем на минус шестой, я куплю вам пива. Вы пьете пиво, гуру? Если нет, я куплю вам молока. Ваш план?

Генерал Бхимасена мог просто отдать приказ, поставив группу перед фактом. Но у гуру имелись свои соображения на сей счёт, и генерал пошёл ему навстречу.

– Он не слишком отличается от вашего, субедар, за исключением трех моментов. Первое: мы вместе выдвигаемся на рубеж атаки. Вы не выдаёте своего присутствия, что бы я ни делал. Действовать вы начинаете по моему сигналу.

– Какому?

Йогин поднимает вверх правую руку:

– Ардха патака мудра, символ жизни и благословения. Это сигнал. Второе: вы забываете про технические системы бункера. Они – иллюзия, майя, призрак. Вы не тратите время на взлом и нейтрализацию, вы идёте вперёд. Ваша задача – добраться до Натху. Он – единственная реальность. Иллюзию я беру на себя.

Чуть помедлив, Марвари ещё раз кивает. Видно, что по этому пункту у него имеются серьёзные сомнения.

– И третье: действуйте скрытно. Надо, чтобы охрана на нижних уровнях до последнего не знала, что происходит на верхних.

Бойцы переглядываются.

– Это всё, гуру?

– Это всё.

– Вопросы есть? – субедар поворачивается к команде. – Вопросов нет.

И рявкает, не стесняясь присутствием духовного лидера расы:

– Выдвигаемся!

V

– Вторая партия зондов?

В ответ акуст-линза хрюкнула.

– Повторяю: вторая партия готова?!

Корвет-капитан Ластбадер нахмурился. Он уже собрался выругаться, когда в линзе раздался шорох, писк, и внутренняя связь «Тени» родила баритон старшего мичмана Берглунда:

– Прошу прощения, капитан. Акустика сбойнула – расфокусировка линзы. Уже исправлено. «Залипухи» будут готовы через триста секунд.

– По готовности – доложить.

– Есть доложить!

«Залипухами» в ВКС Ларгитаса прозвали шпионские зонды. Оснащённые новейшим софтом, малютки под прикрытием камуфляжного поля подбирались к кораблям противника, намертво прилеплялись к обшивке и запускали программы взлома и перехвата переговоров. Радиосвязь, даже узконаправленную и кодированную, «залипухи» кололи как орехи, а при удачной точке подключения ловили часть сообщений через гипер. Шпионов портил один, зато существенный недостаток: смехотворная скорость перемещения. Чтобы «залипуха» смогла подобраться к цели, та должна была изображать беременную улитку. Такое случалось редко, например, сейчас: брамайнские эскадры замерли у границ ларгитасского сектора пространства, выстроившись в подчёркнуто оборонительный боевой порядок.

Идеальная мишень для хитрой мелочи.

Слово «мишень» имело и второе, более традиционное значение. Симметричные меры, сказал вице-адмирал Ван Фрассен, отдавая приказ.

Четверо суток назад брамайны предприняли попытку заслать в сектор Ларгитаса свои развед-зонды. Двигались они куда быстрее, на чём и погорели в буквальном смысле слова. Толку от камуфляжа, если за тобой хвостом тянется плазменный выхлоп? Ларгитасские фрегаты демонстративно – и с большим, знаете ли, удовольствием! – разнесли из батарейных плазматоров весь шпионский рой в кварковую пыль. Экипаж «Тени», незримой для противника, с ухмылками наблюдал за фейерверком. Жаль, зрелище вышло ярче, чем предполагалось: оптика «Тени» ослепла, как от вспышки сверхновой, а сканеры взвыли алармами тревоги. Расчёты показали: треть зондов несла в себе мезонные заряды мощностью до десяти килотонн каждый.

Это уже нельзя было назвать просто разведкой.

Так вот, о симметричных мерах. Первая партия «залипух» достигла целей ещё вчера. Когда командование удостоверилось в успехе первой фазы операции, был отдан приказ отправлять вторую партию, на сей раз – модифицированную. Кроме стандартной хакерской начинки, эти зонды несли в себе гравимагнитные контейнеры с пятью граммами антивещества в каждом. Достаточно, чтобы вывести из строя боевой корвет, а то и фрегат. Никто не собирался первым провоцировать конфликт, но если дойдёт до открытого столкновения…

– Всё готово к запуску, капитан. Контейнеры на боевом взводе, гематрицы активированы.

Цитадель технологий, официальный Ларгитас избегал пользоваться «нетрадиционными» источниками энергии. Здесь предпочитали собственные разработки: термояд, кварк-глюонную плазму и конверторы нейтронов в антинейтрино. Но в случае необходимости власть закрывала глаза на нарушение принципов. Гематрицы были единственным источником энергии, не дающим выхлопа, который могли бы обнаружить системы слежения. К сожалению, гематрицы, способные разогнать корабль до субсвета, стоили слишком дорого даже для бюджета министерства обороны. «Залипухи» ползли по космосу ни шатко ни валко, проклиная скупость казны.

– Маршрутные программы введены?

– Так точно!

Параметры зондов, выведенные в сферу, подтвердили слова мичмана.

– Всем членам экипажа покинуть бомбовый отсек!

Зажглась строка: «Люди в отсеке отсутствуют, отсек герметизирован».

– Начинаем подготовку к запуску. Включаю отсчёт…

Девяносто секунд, и в кормовой части корвета разошлись створки бомболюка. В космическое пространство выпала дюжина матово-чёрных чечевиц метрового диаметра. Отделясь от «Тени», зонды сделались невидимыми даже для сканеров корвета.

До контакта с целями оставалось десять часов.

Потекла вахтенная рутина. Наблюдение в пассивном режиме, плановая диагностика и профилактика систем корабля. Доклады постов и служб. Виртуальные тренинги по отработке боевых и аварийных ситуаций. Обед, смена вахт. Стерильный, лишенный запахов воздух командной рубки. Оптимальная влажность, бодрящая температура. Созвездия зелёных индикаторов на пульте…

На центральном обзорнике обозначилось движение. Всплыли данные пассив-сканеров, давая изображение в волновом диапазоне. Строки побежали резвее, словно кони, перешедшие с шага на галоп. Старпом дал увеличение: от брамайнского флагман-линкора «Агни» отделился объект, смахивавший на серебристый пивной кег. Объект шустро направился к фрегату «Сканда». Капитан со старпомом переглянулись, и старпом пожал плечами: что за жестянка? Межкорабельный шаттл? Командорская шлюпка? Грузовой бот-беспилотник? Событие не ахти, но когда ведёшь пассивное наблюдение, любой чих привлекает к себе повышенное внимание.

– Инспекция? – вслух предположил капитан Ластбадер. – С флагмана на фрегат?

Он глянул на таймер зондов. В строке зонда номер семь горел зелёный индикатор. Звякнуло приёмное устройство гиперсвязи: пришёл отчёт-пакет.

Ластбадер прилип к обзорнику, пытаясь пронзить взглядом тьму космоса. Всё в порядке, уверял себя он. Статичные цели, надёжные программы, маршруты выверены до сантиметра…

Чёртов кег. Как не вовремя!

Вероятность столкновения – один шанс на миллион. На десять миллионов. Увы, корвет-капитану была хорошо известна мудрость предков, единая для всех рас Ойкумены: «Если пакость может случиться, она случится. Если пакость исключена, она всё равно случится.»

За спиной снова звякнуло. Ещё два зонда слали отчёты, прилепившись к целям. Осталось девять. Если что, сработает блокировка. Без команды поля? капсул не отключатся, аннигиляции не произойдёт.

Звяк. Звяк. Зонды один и девять.

Осталось семь.

Звяк…

Контрапункт

Двадцать лет спустя, или Настоящие идиоты

Много лет назад мой сын Гай, гиперактивный мальчик пяти лет от роду, играл в соседней комнате. Помню, как сейчас: вот он кричит:

– Идиот! Настоящий!

Иду посмотреть, в чем дело. Интересно же! Гай гоняет на коммуникаторе бурную ходилку-воевалку. Обвешался голосферами, в каждой – кровавый бой. Некий монстр только что сожрал нашего дракона. Монстру объясняют, кто он

есть:

– Идиот! Настоящий!

Настоящий идиот стоит на паузе, внимательно слушает. Я смотрю, думаю о том, как было бы славно всех настоящих идиотов Ойкумены поставить на паузу. Пусть выслушают правду о себе, не перебивая.

Тихо возвращаюсь обратно.

(из воспоминаний Луция Тита Тумидуса, артиста цирка)

Говорят, в мире нет ничего постоянного. Врут, сволочи.

Есть, как не быть!

– Вниманию встречающих рейс номер 64/12-бис Сиван – Китта! На трассе в районе Слоновьей Головы зафиксирована активность флуктуации континуума класса 1С-14+ согласно реестру Шмеера-Полански. В связи с этим в маршрут внесены коррективы. Яхта «Красотка», выполняющая рейс 64/12-бис, прибудет с опозданием на восемь часов. Приносим извинения за доставленные неудобства.

Скучает в кресле чернокожий охранник. Скучает на поясном крюке, свернувшись в кольца, полицейская мамба. Пассажиры стараются не подходить: мало ли? Душно, гулко, грязно в зале ожидания. Из стеклянных дверей текут жиденькие струйки народа – счастливчики, кто прилетел внутрисистемными рейсами, спешат домой. Остальные стоят в очередях: проходят таможню и паспортный контроль.

– Движение на трассах в районе Слоновьей Головы будет восстановлено в полном объеме в течение ближайших трех суток. Для зачистки района направлены два патрульных крейсера класса «Ведьмак» с рейдером поддержки.

Сквозняк таскает из угла в угол обертки от дешевого мороженого. Швыряет пустые пачки из-под сигарет, надорванные пакеты. От пакетов несет вонючим бетелем. Мусор скребется о стыки лент полового покрытия, играет картинками анимированных реклипов, бормочет «завлекалочки», потерявшие всякий смысл.

– Пассажиров, отбывающих рейсом 97/31 Китта – Октуберан – Магха отправлением в 13:44 по местному времени, просим пройти на посадку к 124-му выходу терминала "Гамма". Повторяю…

Двадцать лет, подумал Тумидус, ерзая в тесном кресле. Двадцать лет назад я прилетел на Китту молодым штурмовым легатом. Тогда я не считал себя таким уж молодым, зато теперь считаю себя старым. Боюсь, я не прав в обоих случаях. Я не был стеснен в средствах, но взял билет эконом-класса: сейчас уже и не вспомню, почему. А действительно, почему? Обычно я летал с комфортом: релаксаторий, смуглые красотки за стойкой бара, кресло-полиморф, в ушах – квазиживые фильтр-слизни. Слышишь только то, что касается тебя, остальную дребедень слизень глушит. Нет, не помню. Эконом-класс, причины стерлись в памяти. На Китте меня ждала «Этна», моя галера. На Китте меня ждали курсанты; верней, не меня, а моего напутствия. На Китте меня ждал еще кое-кто, пересобачивший жизнь Гая Октавиана Тумидуса вдребезги и пополам. И вот я опять на Китте, опять жду, только на этот раз встречают не меня, на этот раз встречаю я…

Военный трибун встал: спина затекла.

Вокруг него образовалось пустое пространство. Оно и раньше-то имело место: никто из встречающих не хотел садиться рядом с помпилианцем, да еще и офицером в чинах, с орденскими планками. Умом каждый понимал, что волк Великой Помпилии не станет клеймить случайных встречных направо и налево, обращая свободных людей в рабство… Но чувства брали ум под локотки и отодвигали в сторонку. Больше других старалось чувство страха: ну его, мало ли, бережёного бог бережёт! Сидячий, Тумидус внушал ужас; стоячий, он пугал вдвое, и люди пятились, отступали, шли в другой конец зала.

Привык, отметил трибун. Давно привык. Равнодушен. И тот факт, что я больше не способен сделать рабом даже сопливого малыша, не отменяет пустоты вокруг меня – и пустоты в мозгу, где должны по идее жить гордость или обида.

– Командир!

Широкий шаг. Руки воздеты к потолку. И ни малейшего страха в черных, слегка навыкате, глазах. Ровесник Тумидуса, смуглый брамайн носил белый хлопковый саронг до колен, а казалось, что он тоже надел мундир, затянутый ремнями.

– Карна! Карна Амогха!

Остолбенев, люди вокруг смотрели, как Карна Амогха – судя по виду, уроженец Чайтры – обнимается с помпилианским волком-рабовладельцем. Обнимись брамайн с настоящим волком, чмокни зверя в клыкастую пасть, изумления было бы меньше.

– Командир!

К удивительной парочке спешила женщина – миниатюрная гематрийка средних лет, с блеклым невыразительным лицом, не знавшим прикосновения косметики. В отличие от пылкого брамайна, её возглас прозвучал без лишних страстей – скорее оклик, банальное привлечение внимания. Но всякий, кто знал гематров не понаслышке, сразу понял бы, что женщина испытывает ничуть не меньшую, а может, и бо?льшую радость от встречи. Да что там! Если дама, родившаяся на Шабате, ускорила шаг, почти что перешла на бег, значит, случилось чудо, и даму переполняют эмоции, несвойственные её хладнокровной расе мыслителей.

– Госпожа Цвергбаум!

– Эсфирь-диди! – вторил Тумидусу смуглый Карна.

Обняться втроём было сложнее, но они справились.

– Командир!

Четвертый родился вехденом: энергетом, чей организм накапливал ресурс от соблюдения тысячи правил и миллиона запретов. Запрет на ложь, запрет на прогулки в дождь, запрет на мясо с кровью, запрет мочиться на открытую землю, запрет праздновать день рождения… Кто другой скорее согласился бы на пожизненное заключение, чем на такой список ограничений, но обитатели Тира и Фравардина уживались с последствиями своей эволюции без особого труда.

– Гий!

– Гий Эрдешир!

– Дружище!

Обнялись и вчетвером.

Это напоминало театр – спектакль при полном аншлаге, когда зал разогрет и с восторгом внимает действию. Пустое пространство вокруг Тумидуса заполнялось со скоростью света, того света, который сиял во взглядах шумной, возбуждённой компании:

– Ага, вот и Аделаида!

– Идочка! Звезда моя!

– Баронесса, к нам! Идите к нам!

Аделаида Лопес-Гонзало, баронесса д'Альгар – она только что прилетела рейсом «Террафима – Китта» – кинулась вперед со всех ног, лавируя между рядами с ловкостью лисы, бегущей по лесу. Пышное платье со шлейфом ничуть не мешало баронессе, мастеру спорта по бегу с барьерами, демонстрировать чудеса физической подготовки. Упершись руками в спинку кресла, баронесса перемахнула последний ряд, как мальчишка – ограду в палисаднике, взвизгнула от восторга и рухнула в объятия военного трибуна, зная, что тот поймает, удержит, и никак иначе.

– Гай! Гайчик!

Пожалуй, только она, бесстрашная и прекрасная звезда Аделаида, звала грозного Тумидуса Гайчиком – господи ты боже мой, едва ли не Зайчиком! Люди в зале содрогнулись, ожидая страшного. И страшное не заставило себя ждать: черная как ночь вудуни, красотой соперничающая с баронессой, что само по себе казалось феноменом, достойным миллиона исследователей, властным жестом отстранила соперницу – караул, спасайся, кто может! – и заняла чужое место в объятиях помпилианца. Черт возьми, она сделала это с такой царственной простотой, словно место было своим, заслуженным, выстраданным.

Поцелуй в щеку. Улыбка.

– Н’Доли, – в ответ улыбнулся Тумидус. – Здравствуй, солнце.

Н’Доли Шанвури кивнула: да, солнце. А что?

– Долечка! – вскричала баронесса, разрушая величие момента. – Я тебя ненавижу! Как ты смеешь быть такой хорошенькой? Будь моя власть, я бы запретила тебе выходить на улицу!

– Я бы выглядывала в окно, – парировала вудуни. – А ты бы гуляла внизу и кисла от зависти.

– Я?

– Ты. Ты бы кисла внизу, я – в окне, и обе – от зависти.

– С вероятностью девяносто девять, – уточнила гематрийка, беря обеих за руки, – и девяносто семь сотых процента.

Для Эсфири Цвергбаум это было шуткой. Да, шуткой, причем смешной по меркам гематров. Вероятность, близкая к абсолютной – разве не смешно?

Пассажиры и встречающие переглянулись. Они считали, что на их глазах произошло невообразимое – и ошиблись. Невообразимое только начиналось, и те, кто спрятал коммуникаторы, рассчитывая унести в клюве добычу – уникальные снимки, сделанные исподтишка – жестоко ошиблись.

Вокруг сурового помпилианца сгрудилась маленькая Ойкумена. Так перламутр окружает камешек, попавший в раковину, чтобы превратить его в жемчужину. Ничуть не боясь, представители четырех рас энергетов окружили Великую Помпилию, империю природных рабовладельцев, сконцентрированную в одном человеке. Плечом к плечу с энергетами стояла знатная дама, рождённая среди варваров чопорной Террафимы. Казалось, Тумидус держит их всех на невидимых поводках, управляя каждым движением, каждым поворотом головы. В какой-то степени так оно и было – не здесь, а в космосе, когда коллант Гая Октавиана Тумидуса разрывал оковы притяжения, сбрасывал обузу малых тел, хрупких и ранимых, и общим могучим приливом выходил в волну: коллективный антис, чудо из чудес, которое впервые явилось Ойкумене двадцать лет назад, в

орбитальной тюрьме «Шеол». Неспособный более клеймить новых рабов, неспособный удержать в подчинении рабов прежних, Тумидус обрел новое качество: рабство обернулось связями, сохранявшими целостность, а значит, жизнь колланта в открытом космосе.

Меня зовут первым коллантарием, подумал Тумидус. Толпа заблуждается: меня не было в составе первого коллективного антиса, стартовавшего с «Шеола». Я стал коллантарием позже, а рабов утратил раньше. Ну и что? Меня зовут первым коллантарием, и пусть зовут – в какой-то степени это больше правда, чем сухие факты.

Вехден шагнул вперед. Вытянулся во фрунт:

– Господин военный трибун, разрешите обратиться! Майор Эрдешир для участия в почётном карауле прибыл!

Откликнулась гематрийка:

– Старший лейтенант Цвергбаум для участия в почётном карауле прибыла!

– Прапорщик Амогха для участия в почётном карауле прибыл!

– Сеньора дома д'Альгар для участия в почётном карауле прибыла!

Н’Доли кивнула ещё раз: здесь! Дочь Папы Лусэро, она имела моральное право обойтись без доклада. Куда тут докладывать, если в горле стоит ком, а глаза ничего не видят от слёз? Папа, сказала себе Н’Доли Шанвури. Папа, жаль, что ты этого не видишь. Это твои проводы, Папа. Это ради тебя со всех концов Галактики явился, прибыл, примчался почетный караул – коллант Гая Тумидуса. Когда Папа, сидя на крыльце без штанов, перечислял Тумидусу гостей, приглашенных умирающим антисом на собственные проводы, карлик забыл упомянуть про коллантариев. Он сделал это позже, текстовым сообщением, сброшенным на уником в последний момент, так что военному трибуну пришлось сломя голову лететь в космопорт, иначе опоздал бы.

– Спасибо, – прошептала вудуни.

И повторила, ни к кому конкретно не обращаясь:

– Спасибо. Я рада, что Папа вас пригласил…

– Да ладно тебе, – грубовато откликнулся военный трибун. – Держи платок, он чистый. Мы бы все равно собрались, без приглашения.

Мы тащили его из Крови, вздохнул Тумидус. Мы волокли Папу, как дохлого паука. Мы спасали его толстую, насквозь разъеденную Кровью шкуру. Папа, сукин ты сын, ещё бы ты не пригласил мой коллант в полном составе! Стоп! В полном? Нет, дудки, как же я проморгал?! Папа, кто из нас слепой?!

– Где маэстро? Где Карл Эмерих?

В колланте не хватало невропаста – мастера тонких психических настроек. Если Тумидус, фигурально говоря, обеспечивал гитару струнами, то маэстро Карл следил за строем инструмента, подкручивая колки? и чутко улавливая разницу в жалкую восьмушку тона.

– Болеет, – ответила Эсфирь.

– Старенький он, – развел руками вехден.

– Старенький, – подтвердила баронесса. – Сердце у него.

– Хотел лететь, – вступился за маэстро брамайн. – Знаете, как хотел?!

– Знаем…

– Билет купил. Врачи аннулировали.

– Главврач лично, гад…

– Бежать пытался…

– Заперли в клинике…

– Иначе сбежал бы, клянусь!..

– Нельзя ему, еле ходит…

Идиот, отметил Тумидус. Настоящий. Это не маэстро, это я идиот. Папа, ты всё учёл заранее? Без невропаста мы не взлетим, то есть не увяжемся за тобой в последний полёт, рискуя жизнью. Нет, Папа, ты учёл всё, да не всё. И знаешь, почему? Потому что я идиот. Настоящий. Надеюсь, здесь все – настоящие идиоты.

Со справкой.

Военный трибун оглядел свой коллант. Глаза Тумидуса подозрительно блестели из-под козырька фуражки. У трибуна были далеко идущие планы, и он не собирался от них отказываться.

– Пассажиров, отбывающих рейсом, – информателла проснулась, заполнила космопорт мелодичным контральто, – 35/6 Китта – Тир – Хиззац, приглашаем на посадку к 83-му выходу терминала «Дельта». Повторяю…

Глава вторая

Я принимала ваши роды, или Готовы вступить в бой

I

– Какой славный! Иди к тёте, малыш…

Натху принял одну из своих зубодробительных поз. В последнее время Гюнтер начал отвыкать от такой реакции сына – и, надо сказать, удивился. Тётя, к которой, если верить её словам, следовало идти, была живой мечтой маленьких беглецов, вернувшихся домой. Пухлая, сдобная, в клетчатой юбке и кофте крупной вязки. Рыжие, чуточку седеющие волосы собраны на затылке в узел.

Улыбка – сама доброта. Лучики веселых морщинок бегут к вискам от уголков карих глаз. Взгляд брызжет искрами смеха. Ни грана притворства, всё честно, открыто, естественно. За исключением мелочи, пустяка, которым в иной ситуации можно было бы пренебречь…

Гюнтеру не требовалось касаться разума женщины, чтобы понять: гостья – ментал исключительной силы. Эмпат, как и Гюнтер. С другой стороны, любой обычный человек, не обладающий способностями к телепатии, тоже сразу понял бы, кто заглянул в детскую. Об этом ясно говорили татуированные ноздри гостьи, а главное, значок на её кофте: стилизованная буква «Т». Служба Т-безопасности, надзор за менталами.

Идиот, похолодел Гюнтер. Сопляк! Ты надеялся обмануть Тирана? Скрыть от его всевидящего ока ментальную одарённость Натху? Ну да, Бреслау – кукла, мысли Бреслау бродят в иных местах… Ты хотел обсудить тайну сына с доктором Йохансоном?! Радуйся, тебе прислали специалиста получше. Инициация молодых менталов, их социализация – Т-безопасность занимается не только этими вопросами. Тэшники еще и курируют преступления, совершенные вашей братией мозгокрутов.

– Ну что же ты? Боишься?

Натху превратился в сложный узел. В глубине узла рдели два настороженных уголька. Не предпринимая попыток сближения, мальчик внимательно следил за чужой тётей.

– Здравствуйте, Сандерсон, – тэшница повернулась к Гюнтеру. – Адъюнкт-комиссар Рюйсдал, к вашим услугам. Зовите меня Линдой.

Гюнтер кивнул:

– Да, госпожа адъюнкт-комиссар.

– Какой вы смешной! – тэшница необидно хихикнула, совсем как девчонка. На щеках комиссарши проклюнулись очаровательные ямочки. – Вы просто чудо, Сандерсон. А уши, уши! Вы видели свои уши?

– Нет, госпожа адъюнкт-комиссар.

– Костры, честное слово! Вы и ваш сын – вы оба чудо. Или правильней будет сказать: чуда? Чуды? Чудеса?!

– Спасибо, госпожа адъюнкт-комиссар.

– Линда, просто Линда. Иначе обижусь. Нет, хуже: иначе я буду звать вас кавалером Сандерсоном до конца ваших дней. Кавалером, бароном, графом Сандерсоном. Я накормлю вас официозом до заворота кишок. Не злите меня, я страшна во гневе.

Браво, оценил Гюнтер. Атмосфера в детской сделалась тёплой, уютной. Эмпатка высшей квалификации, ходячее солнышко, комиссарша фонила позитивом – ненавязчиво, исподволь, располагая собеседников к себе. Рассудка Натху она не касалась – останавливал страх сгореть при ментальном контакте с антисом. Рассудка Гюнтера – тоже, это было бы неприлично, да и противозаконно, если без санкции на контакт. Но создание общего располагающего фона – безадресного, пользуясь сленгом менталов – удавалось Линде Рюйсдал в лучшем виде. На кого она давит, задался вопросом Гюнтер. Ну да, на ребёнка. Ей отлично известно, что я отслежу и специфику фона, и усилия, и цель воздействия. Отслежу, а значит, при желании блокирую воздействие.

Она не знает, что Натху ментал? Тогда зачем Тиран прислал её? Она знает, что Натху ментал? Тогда зачем ломает комедию? Гюнтер терялся в догадках. Противоречивые настроения разрывали его на части. Радость: тайна осталась тайной, всё в порядке. Отчаяние: секрет раскрыт, комиссарша издевается над ним, заманивает в ловушку. Неопределенность: эта стерва рвала душу яростней голодной волчицы.

– Извините, Линда. Зовите меня Гюнтером, прошу вас.

– Вот, совсем другое дело.

Линда прошлась по детской. К Натху она старалась не приближаться, делая вид, что утратила к мальчику всякий интерес. Взяла плюшевого медведя, повертела в руках.

– Ваша инициация, Гюнтер, – произнесла она кукольным голоском, делая вид, что говорит медведь. – Вы в курсе, что мы с вами, считай, одна семья? Я принимала ваши роды.

– Что?!

– В переносном смысле. Я занималась вашей инициацией. Помните, в детском саду? Вы тогда решили, что вы клоун.

– Вы? Мою инициацию купировала доктор Ван Фрассен.

– Это так, – голос остался прежним, кукольным, но взгляд комиссарши затуманился. Не требовалось считывать эмо-спектр Линды, чтобы понять: с доктором Ван Фрассен они были близки. – Бедная Регина, вот ведь не повезло… Выйти живой из самых кошмарных передряг, чтобы разбиться в турпоездке! Я-то знаю, мы столько пережили вместе. Плен на Террафиме, конфликты на Сякко… Экзамен по социализации – и тот мы сдавали плечом к плечу! Я даже вышла замуж за экзаменатора! Ну, это уже потом…

Комиссарша опять хихикнула. Гюнтер не знал, натурален смех Линды – или просто вносит еще одну монетку в общую кассу позитива. Будь кавалер Сандерсон верующим, сейчас он молился бы, чтобы Натху не проявил свои способности ментала. Узел, клубок, насекомое, осьминог – Гюнтера устроила бы любая поза сына. Лишь бы он не полез на контакт с Линдой, разоблачив себя! Да что там контакт – лишь бы мальчик не стал фонить, выплескивая наружу яркие детские чувства! Комиссарша живо отследит, учует, от кого пахнет жареным: менталы фонят совсем не так, как обычные люди. К счастью, Натху не фонил – напротив, закрылся наглухо. Какие бы эмоции ни владели ребёнком, он воздвиг мощный заслон на их пути. Как? Его никогда не учили защитному периметру! Привык, решил Гюнтер. Привык, бегая по космосу со стаей хищных флуктуаций. Не хотел всё время кормить их деликатесом, а может, боялся – почуют, что антис без перерыва истекает эмо-кровью, возбудятся, кинутся, сожрут…

– Что вы здесь делаете? Немедленно покиньте детскую!

В дверях стоял Тиран.

– Женщины любопытны, – с отменным хладнокровием откликнулась Линда Рюйсдал. – Не знали?

– Что?!

– Я хотела посмотреть на антиса. На первого ларгитасского антиса.

– Как вы вообще сюда попали? Кто вас пустил?!

Он ничего не знает, отметил Гюнтер. Похоже, тэшница все-таки пришла к нам с Натху.

– У меня допуск, – комиссарша улыбнулась. – Ваш телохранитель, господин Бреслау, просто обязан иметь допуск, сопоставимый с вашим.

– Мой телохранитель?

Ян Бреслау побелел. Только на щеках полыхали два красных пятна, как у чахоточного.

– Генерал Ван Цвольф обратился в управление службы Т-безопасности…

Голос женщины сделался сух и ровен. Добрая бабушка в вязаной кофте исчезла, исчезла и насмешливая гостья, втыкающая в кавалера Сандерсона острые шпильки. Адъюнкт-комиссар Рюйсдал делала официальное заявление.

– Он просил предоставить вам телохранителя, способного защитить вас от ментального нападения. Я понимаю, что слово «телохранитель» в данном случае звучит сомнительно. Разумохранитель? Зовите меня как угодно, сути дела это не меняет. В ближайшее время я буду рядом с вами, нравится вам это или нет.

– До каких пор?

– Пока меня не отзовут.

– Я же сказал Ван Цвольфу: полгода! Мне дали шесть месяцев отсрочки!

– Это не мое дело. Я выполняю приказ.

Не к нам, ликовал Гюнтер. Не к нам, к Тирану. Секрет остается секретом, тэшница всего лишь поддалась женской слабости. Явись сейчас в детскую Скорпион, Гюнтер расцеловал бы сякконца. Что с сыном? Узел по имени Натху не двигался с места. Взгляд утратил блеск, угольки подернулись пеплом. Было трудно понять, как относится ребёнок к конфликту взрослых. Втайне Гюнтер опасался, что реакция сына на ссору может стать неадекватной. При его-то биографии! На Хельме вообще стартовал… Нет, мальчик реагировал нормально – если в случае с Натху есть резоны говорить о норме.

– Почему ко мне? Вы же знаете, как атакуют Скорпионы! Знаете, кого они атакуют!

Тиран стремительно терял лицо. В присутствии Гюнтера, тэшницы – да что там! – в присутствии малолетнего антиса, чьи истерзанные космосом нервы были всенародным достоянием Ларгитаса, Ян Бреслау кричал, брызгал слюной, задыхался.

– Они бьют по семье! По друзьям! – он рванул галстук. Верхняя пуговица рубашки отлетела, ударилась в стену. – Они ломают мозги близким людям! Приставьте Т-охрану к моей жене! К дочери!

– Это невозможно, – отрезала Линда. – Во-первых, мы не знаем, кого выберет Скорпион в качестве оружия возмездия. Во-вторых, на Ларгитасе не так уж много менталов, способных справиться с обученным сякконцем. Я бы сказала, мы все наперечёт.

– А вы? Вы способны справиться?!

– Вы помните Регину? Доктора Ван Фрассен?

Тиран задохнулся:

– При чем здесь доктор Ван Фрассен?! На что вы намекаете?!

– Давно, в молодости, мы с ней вдвоём справились с парой сякконцев. Когда сякконцев стало двенадцать… Вы в курсе их методик? Я говорю о ситуации под шелухой.

– В курсе, – хором отозвались Гюнтер с Тираном.

– Так вот, дюжине мы проиграли. С тех пор прошло много времени. Из молодой газели я превратилась в старого крокодила. С дюжиной, может, и не совладаю, но с шестью – вполне. Как минимум, я задержу Скорпиона, позволив вам уйти. Задержу любой ценой, ясно?

С восторгом и ужасом кавалер Сандерсон смотрел на адъюнкт-комиссара. Исчез жир на боках и животе, потешная гулька волос на затылке, «гусиные лапки» в уголках глаз. «Как минимум, я задержу Скорпиона…» Сумей Гюнтер когда-нибудь произнести эти слова с такой уверенностью, как Линда Рюйсдал, он бы считал, что жизнь прожита не зря. Стыдно признаться, но когда он ночью кинулся на помощь Яну Бреслау, он боялся до холодного пота. Бежал и боялся, боялся и бежал.

– Рядом? – обычным язвительным тоном повторил Тиран. Он взял себя в руки. На лицо вернулись краски, румянец погас на щеках. – Рядом со мной, нравится это мне или нет? В таком случае, следуйте за мной. Детская – не место для выяснения отношений. Вы удовлетворили своё любопытство?

– Вполне.

– Простите меня, кавалер Сандерсон. Я не имел права устраивать сцену. Надеюсь, это не отразится на ребёнке.

Замолчав, Тиран прикусил губу. Похоже, он только сейчас сообразил, во что мог вылиться его нервный срыв – в «горячий старт» антиса. Это означало пепелище на месте бункера и похоронный марш для каждого человека, оказавшегося поблизости. Если у Гюнтера в таком случае оставался крохотный шанс – при желании Натху накрыл бы отца силовым колпаком, как однажды сделал с матерью – то остальным не на что было рассчитывать.

– Простите, – повторил Ян Бреслау.

Линда прощения не попросила.

Когда они вышли, Натху сел по-человечески. Мальчик улыбался. Нет, мальчик сиял! Ментальные блоки слетели, как не бывало, Гюнтер отчетливо ловил чувственные волны, исходящие от сына. Такие эмоции испытывает ребёнок, когда он нашел конфету, спрятанную родителями – и не только нашел, но и съел втихомолку.

Думать о том, что Натху счёл конфетой, Гюнтеру не хотелось.

II

Наблюдательный пункт оборудован в четырехстах метрах от тренировочного бункера. Все системы слежения работают: в обзорной сфере группа выходит на рубеж атаки. Бхимасена даёт приближение. Бойцы занимают позиции, оставаясь невидимками для камер бункера и охранников у входа. Застыв без движения, бойцы напоминают коряги, посеревшие от времени и дождей. Горакша-натх ничем не выделяется среди людей субедара Марвари. Втайне генерал ждал, что йогин примет какую-либо головоломную асану, однако тот присел за кустами на корточки, самым банальным образом. Бхимасена считает до десяти, и гуру встаёт во весь рост, направляясь к воротам, ведущим на территорию бункера.

Скрыть своё присутствие он даже не пытается.

Безумец, ахает генерал. Что ты творишь?! Сейчас тебя вырубят из парализатора и поднимут тревогу!

Ворота открываются перед йогином. Автоматика срабатывает так, словно ларгитасцы вживили наглецу-брамайну электронный чип с высшим уровнем допуска. Оставив ворота за спиной, гуру движется дальше: к зданию, к охранникам у входа.

– Стой, кто идёт!

Не сбавляя шага, Горакша-натх вытягивает руки вперед: я безоружен.

Ерунда, отмечает генерал. Ларгитасцам плевать, безоружен нарушитель или нет. У них есть чёткий приказ. У охраны тренировочного бункера он тоже есть.

– Стой, стрелять буду!

Выждав секунду, не более, после второго окрика, правый охранник вскидывает парализатор. Левый шарит взглядом по гребню забора: не лезут ли на объект сообщники безбашенного визитёра?! На увеличении хорошо видно, как правый жмёт на спуск: раз, другой, третий. Он жмёт, гуру идёт. Из потенциальной драмы ситуация на глазах превращается в фарс. Напарник стрелка что-то бормочет в гарнитуру переговорного устройства. Судя по гримасе, исказившей его лицо, ответа он не получает. Уяснив, что связи с командованием нет, напарник тоже берётся за парализатор.

Горакша-натх поднимает правую руку.

Ардха патака мудра, жизнь и благословение, вспоминает генерал, видя жест йогина. В следующий миг из кустов к зданию, стреляя на бегу, бросается серая волчья стая. Преодолевать забор бойцам субедара Марвари не надо: ворота остались открыты. Это подарок судьбы – он позволяет не только без труда проникнуть на территорию, но и всадить в охрану пару-тройку разрядов. Выронив оружие, бедняги валятся, как подкошенные. По щекам йогина текут слезы милосердия. С сочувствием глядя на парализованных, Горакша-натх садится на скамейку, вкопанную в землю – здесь оборудовали место для курения.

Стая проносится мимо. Йогин закрывает глаза.

До входа бойцы добегают за одиннадцать секунд – рекордное время, отмечает генерал. Двое отстали, подбирая оружие охранников: своё имеется лишь у троих, и на то есть серьёзные причины. Что такое?! Боец-шутник, позволивший себе вольность при беседе с гуру, ругается сквозь зубы, отбрасывает трофейный парализатор. Неисправен? Со вторым парализатором, похоже, всё в порядке. На дверной панели – о чудо! – горит зелёный индикатор.

Створки разъезжаются, пропускают отряд внутрь.

Бхимасена переключается на камеры бункера – и в растерянности моргает. Он видит невозможное: холл первого этажа, где как ни в чём не бывало несёт службу охрана в песочной форме. Тревога? Нет никакой тревоги. Вход? Двери по-прежнему заблокированы. Кто в холле? Никого из посторонних.

Малый обзорник даёт картинку с дрона. За открытыми дверями в полутьме холла мелькают отсветы разрядов. Ну да, люди Марвари ведут бой, прорываясь дальше. Почему же…

«Иллюзию я беру на себя.»

Демонстрация, вспоминает генерал. При первом визите гуру преподал мне наглядный урок, не выходя из кабинета. Должно быть, с бункером он проделал нечто подобное, только в бо?льших масштабах.

Ай да гуру!

Бхимасена в восхищении щёлкает языком, чего не делал лет с шестнадцати. Наскоро проверив сферы, генерал убеждается: камеры работают, но ни одна не показывает каких-либо эксцессов. Тишь да гладь, на объекте всё спокойно. Где группа? По идее, уже пробились на минус третий уровень. Вот почему гуру настаивал на максимальной скрытности продвижения! Когда сигнал тревоги срабатывает в момент проникновения, скрытность теряет смысл: важнее скорость. Но если тревоги нет, тактика меняется.

Приглядевшись внимательней, Бхимасена убеждается: все изображения, подаваемые с камер, статичны. Ледяной гигант из сказки, Горакша-натх дохнул холодом и заморозил видео. Раз в тридцать секунд изображения мигают, как при кратковременном сбое питания. Рано или поздно это заметят на командном пункте – и поднимут тревогу.

Генерал улыбается. Он хорошо помнит лицо охранника, пытавшегося сообщить начальству о сумасшедшем брамайне, повелителе ворот. Пожалуй, с тревогой возникнут проблемы. Даже наверняка возникнут.

Ждать хуже всего. Выяснить, что творится под землёй, нельзя: камеры показывают фальшивки, системы связи, размещенные ниже минус четвертого уровня, внезапно отключились. Гуру сидит каменным истуканом: глаза закрыты,

на лице – отрешённость. Серьги в ушах йогина мерно раскачиваются в противофазе. Обычно операция заканчивалась провалом за десять-пятнадцать минут. Проходит четверть часа. Шестнадцать минут. Семнадцать…

Гуру шевелится.

Приходит в движение крайняя слева картинка. Комната в кадре – точная копия комнаты из ларгитасского пропагандистского ролика. Пушистый ковёр. Хайтековские кресла. Визор-центр. Ваза с фруктами. Диагностический блок в изголовье кровати. Мальчик тоже присутствует: Натху Джутхани сидит на полу.

За диагност-блоком прячется охранник.

Дверь – обычная, не раздвижная – стремительно распахивается. Два разряда полыхают разом. Падают оба: охранник и боец-шутник – где-то раздобыв действующее оружие, он первым врывается внутрь. Перепрыгнув через тело товарища, в комнату влетает Марвари – кажется, от всей стаи остался один вожак. На миг он замирает: глядит на мальчишку и не верит своим глазам. Потом субедар вскидывает лучевик и без малейших колебаний стреляет в голову Натху Джутхани.

Мальчика окутывает пламя: жаркое, искристое. Фейерверк взрывается блестками конфетти и лентами серпантина. Дитя технологии прецизионного анатомического копирования, кукла издаёт звук облегчения – пуфф! – и превращается в огненный шар, испарившись без следа. От неё не остаётся даже пепла.

Из акустики гремит торжественный гимн.

* * *

– Впечатление? Да они в шоке!

Перед глазами Бхимасены всё еще стоит картина: бойцы, «серые» и «песочные» вперемежку, гурьбой вываливаются из бункера. Гогочут, хлопают друг друга по плечам, сверкают белозубыми улыбками на всю галактику. И вдруг – тишина. Проходит секунда, другая, третья. Бородач Марвари кланяется гуру, сидящему

на скамейке, почтительно касается лба кончиками пальцев. Остальные следуют примеру командира. Двое самых восторженных простираются ниц…

Йогин пожимает плечами:

– Это суета, Рама-джи. Иллюзия.

– Иллюзия? Вы добились успеха. Бойцы пойдут за вами хоть в чёрную дыру. Субедар-майор поклялся, что в следующем рождении станет вашим учеником.

– Кармическая клятва?

– Да.

– Это намёк, Рама-джи?

– Намёк на что?

– На то, что в этом рождении Марвари не дано стать моим учеником. Он не рассчитывает прожить долго, да?

Генерал в задумчивости скребёт небритую щеку:

– Я военный, Вьяса-джи. Я не люблю намёки. Хорошо, что вы сами подняли эту тему. Вы ведь понимаете, что без вас операция бы провалилась?

– Разумеется.

– Зачем вы поманили нас надеждой? У вас на примете есть человек, способный подменить вас на Ларгитасе, в реальных боевых условиях?

– У меня есть такой человек.

Повисает пауза. Горакша-натх ждёт следующего вопроса, но генерал молчит, не желая следовать отведенной ему роли. Играть в молчанку глупо.

– Мы незаменимы, Рама-джи. Все до единого. Мы уникальны. Подменить вашего покорного слугу может только один человек на свете – я сам.

– Исключено!

– Почему?

– Марвари не зря дал клятву. Возвращение не предусмотрено, Вьяса-джи. Это миссия смертников!

– Хорошо, что вы напомнили мне о клятве. Я тоже клянусь взять субедар-майора в ученики, когда воскресну к следующему воплощению.

– Вы издеваетесь?! Я не имею права рисковать вами.

– Почему?

– Вы не принадлежите себе. Вы – достояние расы!

– Ошибаетесь, Рама-джи. Каждый из нас принадлежит самому себе. Каждый волен выбирать свою судьбу. Вы следуете своей дхарме. Я – своей.

Бхимасена набирает в грудь воздуха, желая возразить, но йогин опережает его:

– И если речь зашла о достоянии расы… Что вы скажете о Натху Джутхани? Он – достояние расы Брамайн?

– Разумеется!

Не в силах устоять на месте, Бхимасена мечется по кабинету. Под шелухой, в галлюцинаторном комплексе, генерал выглядел бы разъяренным тигром: рык, оскал, хвост хлещет по бокам. Призрак тигра прямо-таки витает в воздухе.

– Вы лучше меня знаете: дело идёт к войне, – упорствует гуру. – Если мы вернем Натху, избежав масштабного столкновения, это будет лучший выход для всех. Минимальные потери? Так говорят у вас?

– Другой йогин? – хрипит генерал. – Опытный наладчик энергосистем? Бог, демон, кто угодно?!

Гуру смеётся:

– Вы согласны пожертвовать кем-то другим, но только не мной? Богом, демоном? Благодарю, я тронут. В любом случае, трое достойных йогинов слишком стары для такой миссии. Двое, насколько я знаю, ушли в длительную медитацию… Я бы не советовал тревожить их. Шри Рачапалли? Нет, он не согласится. Видите, я ищу выход. Я перебираю варианты. Я стараюсь ради вас.

– Варианты?! Ради меня?!

– Конечно.

– Вы морочите мне голову, и всё.

– Разве я бы посмел?

– И вы согласны на такой размен?! – мимо воли вырывается у генерала. – Натху, по крайней мере, не угрожает гибель. Он антис, а вы…

– Жизнь – не шахматы, Рама-джи. Но если использовать шахматную аналогию, то Натху – более ценная фигура, чем я. В любом случае, это мой выбор. Ваша совесть чиста, вы честно пытались меня отговорить. Поверьте, я ценю ваши усилия. Но субедар-майор и его люди готовы умереть ради свободы Натху. Вам известно, что врачи древности испытывали свои лекарства на себе? Я отношусь к ним с уважением. Обострённое чувство ответственности – не отказывайте мне в нём, прошу вас. Я – причина того, что бойцы Марвари рвутся в ад. Они не уйдут без меня, Рама-джи. Я не отпущу их.

Генерал смотрит на йогина. Он словно впервые видит этого человека. Наконец Бхимасена кивает:

– Хорошо. Я спрашиваю в последний раз, Вьяса-джи. Вы уверены, что это единственный вариант? Если вы готовы досрочно завершить нынешнее перерождение… У нас нет выбора?

– Нет.

– Подумайте, прежде чем рискнуть всем.

– Таков мой путь. Никакая цена на этом пути не будет чрезмерной.

«Мы вернём его любым путём, любыми средствами. Никакая цена на этом пути не будет чрезмерной.» Да, вздрагивает генерал. Йогин, я смотрел полит-шоу «Махаратха». Я запомнил сказанное тобой в финале передачи. Да, цена. Не только чужие жизни.

Своя – в первую очередь.

– Мне нужно поставить командование в известность, – голос сел, в горле ворочается колючий ком шерсти. – Если нам дадут добро, я постараюсь, чтобы у вас был шанс вернуться. Я зубами выгрызу этот шанс.

III

Звяк. Звяк. Зонды один и девять.

Осталось семь.

Звяк…

Ослепительная вспышка полного квантового распада вспухла на обзорнике – и расплылась от края до края, пожрав изображение.

– Фаг!

Пакость случилась.

К чести капитана Ластбадера, он опомнился быстро:

– Гиперсвязь с командованием!

И следом:

– Тревога! Экипажу занять места согласно боевого расписания! Активировать дубль-связь на всех зондах. Данные слать мне и на «Вихрь». Таубе, свяжитесь с «Вихрем», доложите ситуацию.

– Есть, капитан!

Старпом Таубе уже активировал дубль-контур гипера, связываясь с «Вихрем», флагманом ларгитасской группы кораблей.

– Есть гиперсвязь с командованием!

За те сто сорок секунд, что брамайны принимали решение, Ластбадер успел доложить об инциденте и выслушать инструкции. Похоже, командование предвидело подобное развитие ситуации.

– В случае атаки противника разрешите вступить в бой.

– Только в крайнем случае!

Время текстовых сообщений закончилось. Под сводами рубки гремел голос вице-адмирала Ван Фрассена, отчего капитану хотелось вытянуться во фрунт.

– Если будет хоть малейший шанс, что группа справится без вас – сохраняйте маскировку. Себя не обнаруживать, это приказ. Вам всё ясно, корвет-капитан?

– Так точно, господин вице-адмирал!

– Подкрепление выдвинулось. Конец связи.

Выдвинулось, отметил Ластбадер. Он сказал: подкрепление выдвинулось. И не сказал, когда оно подойдёт. Значит, держимся до подхода. На обзорниках, проморгавшихся после аннигиляционной вспышки, брамайнские корабли перестраивались для атаки. Ластбадер бросил взгляд на таймер зондов. Девять из дюжины «залипух», начинённых антивеществом, достигли своих целей. Один сигнал…

Проклятье!

Провокация, дошло до капитана. Четверо суток назад – это была намеренная провокация! Брамайнские зонды, фонящие плазменными хвостами – наживка! И мы её с радостью заглотили. Брамайны ждали нашего ответного хода, надеялись на него. Теперь у них развязаны руки: Ларгитас атаковал первым! Раса Брамайн отвечает на акт агрессии техноложцев!

Из второго эшелона подтягивались КЭПы – корабли энергоподдержки. Сдвоенная эскадра Чайтранского флота маневрировала чётко и слаженно, как на учениях, выстраивая «Брахмаширас» – «Голову Брахмы». Если расфокусировать зрение, так, чтобы силуэты кораблей расплылись – строй обретал форму исполинского черепа. В сферах волновых сканеров «череп» обтянула пергаментная кожа силового поля. Глазницы и провал рта мало-помалу разгорались: КЭПы формировали силовые зеркала-концентраторы, намереваясь сфокусировать и усилить мощь залповых ударов.

– «Тень» – «Вихрю»! Вызываю фрегат-капитана Асланда.

– Фрегат-капитан Асланд на связи.

– Докладывает корвет-капитан Ластбадер. На девяти кораблях противника – наши зонды с порцией антивещества. Готов подорвать их в любой момент.

– Вас понял. Без приказа – не взрывать.

– Есть не взрывать без приказа.

Пауза.

– Спасибо, капитан. Конец связи.

Чёртова политика, скрипнул зубами Ластбадер. Чёртова Лига, чёртовы брамайны! Упреждающий подрыв девяти кораблей Чайтранского флота – это полномасштабная война. Брамайны будут выглядеть пострадавшей стороной. Лига не станет вмешиваться либо поддержит брамайнов. Прав Асланд: надо ждать. Теперь мяч на их половине поля…

Во лбу черепа распахнулся третий глаз. Извергся рой искр: с платформ-носителей стартовали волновые истребители. Искры разлетелись в стороны, глаз почернел и закрылся. Истребители пересекли границу сектора, разошлись вогнутыми полусферами. Гигантские ладони приготовились схлопнуться вокруг намеченной жертвы, открывая брамайнам директрису огня.

Строй ларгитасцев распался на два равносторонних треугольника. Второй эшелон раздвинулся, намереваясь вести огонь по истребителям без риска зацепить своих. Треугольники начали вращение, сбивая противнику прицел.

– Наводчикам разобрать и вести цели. Без приказа не стрелять.

Истребители атаковали. Полусферы вывернулись наизнанку, превратились в копейные наконечники, ударили по первому эшелону ларгитасцев, на подлёте полыхнув синими вспышками залпов. В ответ фрегаты Ларгитаса сделались солнцами в миниатюре, вынудив оптику снова ослепнуть. Так выглядел синхронный залп двенадцати батарейных плазматоров. Когда видимость вернулась, «копья» распались. Истребители вспыхивали, взрывались, сгорали дотла, но часть машин уцелела. В сканерах мела пурга – обе стороны включили генераторы помех. Троица фрегатов расцвела кустистыми фейерверками ботов-беспилотников, оснащённых когерентными гамма-излучателями.

И тут ударил «Брахмаширас».

Строй брамайнских кораблей успел набрать скорость. Когда он, вслед за истребителями, пересёк границу сектора, рот и глазницы черепа озарило сияние: белое, ослепительное. Три залповых луча, сходящихся на иглу, пронзили космос. Оказавшиеся на их пути истребители сгорели мошками в пламени паяльной лампы – свои жертвовали своими. Несмотря на маневры ларгитасцев, два луча из трёх достигли цели. Кормовая часть «Зигварда» расплескалась вязкими брызгами вулканической лавы. Рдея и угасая, брызги поплыли в космосе созвездием красных карликов. Внутри пробоины метались синие отсветы электрических разрядов. Фрегат потерял управление, закувыркался прочь, разрушая строй первого эшелона.

«Вихрю» повезло больше: убийственный луч зацепил его вскользь, срезав боевую башню и оплавив обшивку. К счастью, флагман остался на ходу.

«Где приказ? Где чёртов приказ?! На «Вихре» что, накрылась гиперсвязь?»

Уцелевшие фрегаты разродились смертоносным потомством: из бомболюков явился рой чёрных сигар. На подлёте к «Брахмаширас» торпеды встретила стена заградительного огня. Космос вскипел от разрядов. Сигары лопались адскими стручками, взрывались, исторгая сотни металлических семян: «ассорти» из мини-ракет. Новый рой устремился к левой глазнице черепа, и его встретила вся огневая мощь брамайнов: волновые орудия, плазматоры, лучевые пушки…

Отвлекающий манёвр, понял корвет-капитан за секунду до того, как фрегаты Ларгитаса вновь превратились в солнца. Неповоротливый строй «Брахмаширас» представлял собой идеальную мишень, и наводчики не подвели. Залп батарейных плазматоров ударил в оскаленный рот черепа. Волна бушующей плазмы прорвала защитное поле, вражеский КЭП расцвёл жарким погребальным костром. Миг, и в пространстве уже плыл, остывая, искорёженный кусок металла.

Плёнка защитного поля, обтянувшая череп, истаяла клочьями тумана. Ракеты ворвались в глазницу, огненный град прошёлся по борту второго корабля энергоподдержки, дырявя и корёжа обшивку, сотрясая нутро КЭПа направленными гравиударами. И всё же КЭП уцелел. Правый борт его превратился в решето, но автоматика задраила внутренние переборки, а системы пожаротушения справились с огнём. На малом ходу корабль начал оттягиваться в тыл.

«Брахмаширас» на ходу перестроился в «Ракшас-виману»: четыре ударных «дышла» – квадрат линкоров по периметру. Истребители оттянулись назад. Ларгитасцы тоже сменили построение. Беглый огонь, массированные помехи; сканеры сошли с ума, на обзорниках мельтешил хаос.

– Приплыли, – выдохнул старпом Таубе.

И громко икнул.

В сфере, пропущенный сквозь фильтры, крутился микс: наложение гравитационной, волновой и оптической картин. Изображение дёргалось, но сквозь дерганину было видно, как позади «Ракшас-виманы» разгорается охристое свечение. В какой-то неуловимый момент оно распалось на три

пульсирующих сгустка.

– Антисы?

Старпом запустил сравнение с атласом Шмеера-Полански.

– Много помех… Да, антисы.

Таубе икнул ещё раз:

– Брамайнские антисы, – уточнил он, хотя сказанное не нуждалось в уточнении. – Кешаб, Вьюха и Капардин.

Если брамайнские корабли начнут гибнуть в аннигиляционных вспышках… Ластбадер нервно засмеялся. Хорошенькое дело! От антисов даже удрать не получится. Ну и ладушки. Ждём до последнего, а потом взрываем этих ублюдков к чёртовой матери, с приказом или без приказа! Катись оно всё в чёрную дыру…

И чёрная дыра не замедлила явиться.

Десятки, сотни провалов клубящейся тьмы распахнулись в тылу ларгитасского сектора, пожирая далёкие звёзды. Расцвели клумбы зловещих тюльпанов, и из них в трёхмерное пространство градом посыпались галеры. Триремы, квадриремы, гексеры – корветы, фрегаты и крейсеры по общепринятой классификации – они выходили из РПТ-манёвра, выстраивались в боевые порядки: «Стена Ливия» глубиной в три эшелона. А тюльпаны продолжали язвить содрогающийся континуум. К армаде присоединялись эннеры – тяжёлые корабли класса супердредноута. Эннеры выходили из гипера парами: четыре, шесть, восемь…

Огонь прекратился.

– Вызываю корабли Ларгитаса! Говорит Тиберий Септимус Салестерна, консуляр-трибун ВКС Великой Помпилии. Вас приветствуют Первый Октуберанский, а также Второй и Третий Квинтилианские флоты, объединённые под моим командованием. Мы прибыли во исполнение Договора о военном сотрудничестве между Ларгитасом и Великой Помпилией. Готовы вступить в бой. Вызываю

корабли брамайнов! В случае продолжения агрессивных действий по отношению к нашим союзникам мы откроем огонь без предупреждения…

Корвет-капитан Ластбадер вытер со лба холодный пот. Уверен, подумал он. Уверен целиком и полностью. Еще никто из нас, никто и никогда не был так рад боевым галерам Великой Помпилии в своём секторе пространства!

Виват, рабовладельцы!

IV

– …акт беспрецедентной агрессии со стороны Ларгитаса! Аннигиляционный взрыв уничтожил шлюпку линкора «Агни». Погибли семь человек, включая коммодора Вишванатана Крипалани, героя Пятидневной войны в секторе Ангхоги. Шлюпка следовала с линкора «Агни» на фрегат «Сканда» в нейтральном секторе пространства, когда коварные техноложцы нанесли подлый, ничем не спровоцированный удар!

Брамайн-диктор носил траур: белая сюртучная пара, белый тюрбан. Повинуясь чужой воле, он стремительно уменьшился, задвинут на задний план. Голосфера наполнилась черным бархатом, сверкнула искрами звёзд. Явился борт корабля, от него отделился серебристый цилиндр, похожий на пивной кег – шлюпка, подсказали зрителям титры. Секунда, другая, третья. Мелькнула искра, по бархату расплылась вспышка, погасив звёзды.

Ремастировали со сканеров, отметил вице-адмирал Ван Фрассен. Кое-что попросту дорисовали: по шлюпке никто не стрелял, зонд двигался под камуфляжем.

– Могли ли мы оставить безнаказанным вопиющий акт агрессии? Циничное попрание всех норм галактического права? Могли ли мы спокойно наблюдать гибель наших сорасцев? Нет!!! Лишь коварное вмешательство ВКС Помпилии, этой империи рабовладельцев, выступившей на стороне Ларгитаса, не позволило свершиться справедливому возмездию. В Совет Безопасности Лиги уже направлена нота протеста…

Вице-адмирал переключил канал.

– …официально заявляет: с момента появления кораблей брамайнских ВКС у границ ларгитасского сектора не было произведено ни единого выстрела из какого бы то ни было вида оружия по кораблям Чайтранского флота. Ларгитас готов представить все необходимые доказательства, включая записи волновых и гравитационных сканеров, а также аппаратуры оптического слежения. По всей видимости, произошёл несчастный случай при транспортировке аннигиляционного заряда с одного брамайнского корабля на другой. Однако всю ответственность за трагическую аварию, повлёкшую за собой человеческие жертвы, брамайны решили возложить на Ларгитас, задним числом подделав запись инцидента! Более того, брамайнские ВКС вторглись в ларгитасский сектор пространства, навязав бой нашим кораблям. Если бы не своевременное вмешательство наших помпилианских союзников…

В отличие от брамайнов, ларгитасский канал демонстрировал сражение полностью – ну, почти полностью, с минимальным монтажом. Смотрите, кричала трансляция. Смотрите, нам скрывать нечего! Они агрессоры! Мы защищались! Реальная битва в космосе, с пылу, с плазменного жару – зрителя от такого лакомства за уши не оттащишь. Ларгитас дал Ойкумене зрелище, и Ойкумена ела у Ларгитаса с ладони.

– …в Совет Безопасности Лиги направлена нота протеста…

Ван Фрассен выключил визор. Ларгитасская версия и впрямь выглядела убедительнее – к такому мнению склонялись независимые эксперты Китты, Элула и межрасового центра галактической аналитики на Хиззаце. То же подтверждали опросы общественного мнения на нейтральных планетах. Вряд ли брамайны в ближайшее время отважатся повторить попытку вторжения. Лига их не поддержит, а с учётом союзников-помпилианцев даже религиозные фанатики трижды подумают, прежде чем лезть на рожон.

Палка о двух концах, вздохнул вице-адмирал. Рабовладельцы явились вовремя, спасли наших людей и корабли. Но преимущество внезапности утеряно: о военном союзе теперь известно даже слабоумным. В выигрыше только Помпилия: поиграли мускулами, выступили в благородной роли миротворцев. А заодно намекнули нам: мы свою часть договора выполняем, так не пора ли поделиться информацией по Натху?

«Впрочем, это уже не моя головная боль…»

Вице-адмирал отвечал за военную часть сотрудничества. Всё остальное – дело правительства и научной разведки. Сейчас Ван Фрассена больше беспокоили зонды, оставшиеся на брамайнских кораблях. Двенадцать обычных, девять – с начинкой из антивещества. Если брамайны обнаружат зонды, если предъявят доказательства – чаша весов качнётся на их сторону. Подать зондам команду на возвращение? Оставить всё как есть?

Да, палка о двух концах.

Прозвенел зуммер входной двери. Из переговорного устройства донеслось:

– Капитан второго ранга Лофгрен. Разрешите войти, господин вице-адмирал?

Адъютант всегда докладывал строго по уставу.

– Входите, Рольф.

– Разрешите доложить?

– Докладывайте.

– Поступил запрос… Начальник отдела считает, что это в вашей компетенции.

Редкий случай: в голосе адъютанта звучало сомнение.

– Что за запрос?

– Разрешите, я скопирую его в ваш компьютер? Думаю, вам лучше самому прочесть, господин вице-адмирал.

– Да, конечно. Что-то ещё, Рольф?

– В пятнадцать тридцать совещание у начальника генштаба.

– Спасибо, я помню.

– Журналисты Первого Всепланетного канала просят о встрече.

– Отказать. У нас есть пресс-служба, пусть отдувается.

– Я переслал вам сводку по сектору за истёкшие сутки.

– Спасибо, Рольф. Можешь быть свободен.

Ван Фрассен открыл запрос:

«Командующему ВКС Ларгитаса адмиралу флота Хенрику Ван Дер Фальку.»

Однако! Запрашивающий мелочиться не стал. Понятное дело, Ван Дер Фальку никто этот запрос не передал. И начальнику генштаба Нюбергу – тоже. Запрос спустили к вице-адмиралу Ван Фрассену, заму Нюберга по оперативно-тактическому планированию, и это тоже говорило о многом.

«Настоящим сообщаем Вам, что нами, группой ларгитасских менталов, проведены успешные испытания резонансного ментального оружия (далее – РМО). В ходе испытаний было установлено: при достижении эффекта кси-резонанса мощность результирующего ментального импульса многократно превосходит простую сумму мощностей ментальных импульсов участников проекта…»

Умники, возмутился Ван Фрассен. Эффект кси-резонанса, сумма мощностей ментальных импульсов! Я, фаг побери, военный, а не эксперт по менталам! Не будь моя дочь телепатом… Кольнуло сердце. Столько лет прошло, и всё равно… Спокойно, адмирал. Ты ещё нужен своей планете. Быть может, больше, чем когда-либо. Вдох-выдох, вдох-выдох… Не будь моя дочь телепатом, я бы мало что понял в запросе. Я никогда не афишировал интерес к работе Регины, но начальство об этом прекрасно знает. Кто бы ни велел переслать запрос мне, он понимал, что делает.

«Этой мощности волне достаточно, чтобы РМО в составе команды из девяти-двенадцати менталов, войдя в кси-резонанс, полностью вывело из строя экипаж вражеского корабля класса корвета, как минимум.»

Вражеского! Цивилы! У армии нет врага!

У армии есть противник.

«Мы, менталы Ларгитаса, как патриоты нашей Родины, считаем своим долгом поставить Вас в известность о новом виде оружия (РМО), которого нет и не может быть у брамайнов по понятным причинам. Также у брамайнов нет никакой защиты от ментальных воздействий, что даёт Ларгитасу серьёзное преимущество. Мы считаем своим долгом принять участие в защите Отечества в качестве боевых расчётов (команд) РМО. На данный момент сформировано пять полностью укомплектованных расчётов РМО, ведутся регулярные тренировки. Все команды готовы принять участие в боевых действиях по первому Вашему приказу. В дальнейшем из менталов Ларгитаса могут быть сформированы дополнительные расчёты РМО.

Запрашиваем Вашего разрешения исполнить свой долг…

Дата.

С уважением….»

Фамилии, подписи. Первой стояла подпись Седрика Норландера. Благодаря своей должности Ван Фрассен был в курсе операции «Отщепенец», позже переименованной в «Кольцо». Кто, спрашивается, предоставил научразам центр переподготовки, оборудование и модифицированный «Ведьмак» с экипажем? И, так уж случилось, вице-адмирал помнил фамилии менталов, принявших участие в проекте, включая Норландера. Разработали они, как же! Это эксперты Бреслау всё разработали, а вы, ребятки, были исполнителями. Отлично поработали, но идея принадлежала не вам. В одном вы молодцы. Подписку о неразглашении дали? Дали. Слово держите? Держите. Про Отщепенца – молчок. Что же до ментальных наработок – ладно, нашли лазейку.

«В качестве боевых расчётов (команд) РМО…»

Связаться с Бреслау? Нет, Бреслау с молодёжи три шкуры спустит. Запросить в консультанты эксперта-телепата? Вот, мол, молодые да ранние… Лишний труд. Итак, что мы имеем? Команда менталов, синхрон кси-волны, резонанс. Ментальный импульс, усиленный в десятки раз. Трах-тарах, и вражеский экипаж – медузы, кисель. С какого расстояния? На сколько импульсов хватит сил у команды? Два? Три? Вряд ли больше. И минимум сутки реабилитации – теплая койка, витаминный коктейль. Рисковать драгоценными менталами Ларгитаса, когда с той же задачей справится штурмовой фрегат? И никакой реабилитации?

Игра не стоит свеч.

Ван Фрассен переключил компьютер в режим голосового распознавания:

«В ответ на ваш запрос сообщаю:

1. Командование ВКС Ларгитаса высоко оценило ваше предложение по использованию РМО для защиты Родины, а также ваше желание и готовность принять участие в боевых действиях.

2. К сожалению, в настоящий момент утверждённые оперативно-тактические планы обороны Ларгитаса исключают возможность использования предложенного вами РМО. Подробные причины изложить не имею возможности из соображений секретности.

3. Тем не менее, ваша готовность исполнить гражданский долг принята во внимание. В случае прорыва сил противника к планете вы станете нашим секретным рубежом обороны. Продолжайте отрабатывать взаимодействие в составе расчётов РМО. Инструкции получите непосредственно перед тем, как вступить в бой.

С уважением и искренней благодарностью,

Вице-адмирал ВКС Ларгитаса, зам. начальника генштаба по оперативно-тактическому планированию -

Теодор Ван Фрассен.»

Мальчики, подумал Ван Фрассен, подписывая документ. Девочки. Горячие, глупые, славные. Ни к чему вас обижать, правда? Надеюсь, я сумею вас заинтриговать. Подсластим пилюлю, хорошо? Ждите и надейтесь. А мы, взрослые черствые сухари, сделаем всё возможное, чтобы дело не дошло до высадки на планету. С таким союзником, как волки Помпилии…

Да хоть с самим дьяволом! Ради вас, мальчики и девочки?

Раз плюнуть, и подпись кровью.

Контрапункт

Двадцать лет спустя, или Долг без срока давности

Друзья дерутся страшнее всех –

За бороду, пальцем в глаз.

Стою в кровавой ночной росе,

И вряд ли в последний раз.

Сейчас ударят ножом в лицо,

Забыв, что ножом нельзя…

Друзья смыкают вокруг кольцо,

Люблю вас, мои друзья.

Вениамин Золотой, из сборника «Сирень»

(издание дополненное и переработанное к тридцатипятилетию со дня первой публикации)

– Ты псих? – спросил этот человек.

– Я идиот, – уточнил Тумидус. – Настоящий.

– Знаю, – сказал этот человек. Он сказал это так, что Тумидус возжаждал крови: здесь, сейчас, не откладывая в долгий ящик. – Кто и знает, если не я? Значит, тебе в коллант нужен невропаст. Маэстро Карл состарился, без него вам не взлететь. И ты не нашел ничего лучшего, как пригласить меня? Мне казалось, с возрастом мы умнеем. Выходит, я заблуждался? Может, мне ещё и в рабство к тебе записаться?! Вспомним старые добрые деньки…

– Ты лучший, – честно признал Тумидус. – Более того, ты единственный.

– Почему это я единственный?

– Ты тоже идиот. Хуже меня.

– Да, правда. Ещё есть причины?

– Никто больше не согласится. Никому больше я не доверяю. Никого больше Папа не пригласил на проводы. Вернее, никого больше из невропастов, ходивших с коллантами.

Этот человек, этот ядовитый гвоздь, забитый двадцать лет назад Тумидусу в пятку, нет, в задницу – нет, в голову! – хмыкнул самым наглым образом. Гай Октавиан Тумидус убивал людей за меньшее. Иногда он убивал людей просто так.

– Допустим, – согласился Лючано Борготта, завкафедрой инициирующей невропастии в античском центре «Грядущее». В прошлом – директор театра «Вертеп», Борготта был известен широкому кругу обиженных им людей под прозвищем Тарталья. – Я лучший, единственный, я ангел во плоти?. Но это не повод втягивать меня в безумную авантюру. Почему ты всегда втягиваешь меня в безумные авантюры?

– Я?

– Ты.

– Тебя?!

– Меня.

– Втягиваю?!!

– Обеими руками.

– Это ты меня втягиваешь!

– Ничего подобного. Ты меня втягиваешь, а я за тебя хватаюсь.

За перепалкой, выпучив и без того лягушачьи глаза, следил бармен. Диалог, достойный сцены Королевского театра музкомедии, происходил в скромном баре, расположенном на крыше отеля «Макумба», и бармен хорошо помнил недавнюю встречу двух офицеров, помпилианского военного трибуна и ларгитасского вице-адмирала. Офицеров он счел любовниками – и ошибся. Сейчас, сказать по правде, бармен готов был счесть любовниками и эту безумную пару – трибуна-помпилианца и хлыща из богемы, разряженного как попугай. Ну конечно же, любовники! Как хорошо, как славно они собачились за графинчиком тутовой водки! Но бармен помнил о своем позоре – и не спешил со скоропалительными выводами.

Вместо выводов он принес скандалистам второй графинчик – первый опустел.

– Ты знаешь, – спросил Тумидус, разливая водку по рюмкам, – как умирают антисы?

– Знаю.

– Я имею в виду, как они умирают по-настоящему?

– Знаю.

Тумидус в изумлении уставился на Борготту. И по голосу, взгляду, по лицу, ставшему мрачней обычного, понял: знает. Не врёт, нет.

– Откуда? Кто тебе сказал?!

– Ты забываешь, где я работаю. У нас говорят о многом. Но не все, о чем у нас говорят, выходит за пределы «Грядущего».

Бархатный сюртук цвета морской волны. Вставки розового атласа. Шитье золотом. Белоснежная сорочка. Красная бабочка в черный горох. Лосины жемчужного оттенка. Высокие кожаные ботинки на шнуровке. С годами, сменив театральные подмостки на кафедру инициирующей невропастии, пройдя путь от раба до коллантария, Лючано Борготта не изменил своим привычкам. Гардероб его хранил печать вызывающего шика, маскарада для привлечения внимания публики. Лицо тоже осталось прежним: хмурое, брюзгливое, без намека на улыбку. Костюм и лицо в сочетании производили на собеседника неизгладимое впечатление.

На кого угодно, только не на Тумидуса. Свои неизгладимые впечатления он уже получил.

– Ты хочешь проводить Папу туда? – Борготта ткнул пальцем вверх, намекая на космос. – Ты в курсе, что это опасно?

И Тумидус вздохнул с облегчением. Этот человек… Он уже согласился, этот человек, эта ходячая катастрофа, раз задаёт вопросы. Он готов рискнуть, провожая умирающего Папу на орбиту. Но это не значит, что он согласится снова, когда узнает, что задумал военный трибун на самом деле. Я бы тоже не согласился, отметил Тумидус. Предложи мне кто такой изысканный способ наложить на себя руки – нет, я бы и под угрозой расстрела не дал согласия!

– Покажи татуировку, – буркнул трибун.

– Зачем?

– Тебе что, жалко?

Вместо ответа Борготта снял сюртук, повесив его на спинку кресла. Затем расстегнул сорочку и спустил ее с плеча. Татуировка была на месте, там, где помнил Тумидус. Черно-красный орнамент из сплетающихся змей – лиан? шнуров? При длительном рассматривании узор начинал плыть перед глазами. Казалось, змеи шевелились, перетекая по кругу.

У бармена отвисла челюсть. Ниточка слюны стекла на подбородок. Неужели любовники, кричал весь вид бармена. Неужели всё-таки любовники?!

– Доволен? – Борготта напряг мышцы. Змеи ускорили движение, цепляясь хвостами. Судя по торсу, Борготта все эти годы не вылезал из тренажерки. Судя по змеям, они тоже. – Иногда она меняется. Цвет, форма… Но сейчас она такая же, как в первый раз. Наверное, почуяла тебя.

– Её тебе колол Папа, – напомнил Тумидус.

Борготта угрюмо кивнул.

– В тюрьме. Помнишь?

– Иди ты к чёрту! Думаешь, мне приятно вспоминать?!

Он соврал. Вспоминать было приятно.

…барабанщик жонглировал синкопами, форшлагами и триолями; с какого-то момента Лючано танцевал, сидя на скамейке, танцевал, не двигаясь, а карлик делал ему татуировку. Настоящую татуировку бывалых сидельцев, мастера которой наперечет по всей Галактике. Он так и сказал карлику, и его чудесно поняли, загудели с одобрением, а карлик кивнул, выставляя наборной рисунок из игл в деревянной матрице. Никаких лучевых «жгучек», безъигольных инжекторов – ручная работа!

Ну и хорошо, кивнул карлик, а меня зовут Папа Лусэро. Сморщилось обветренное личико, рука, похожая на руку ребенка, пригладила седые курчавые волосы. Глаза крошечного мастера прятались за очками с очень темными стеклами…[1 - См. роман «Ойкумена» (кн. 1. Кукольник) – первый роман эпопеи «Ойкумена».]

– Знаешь, что он втёр тебе в наколку?

– Знаю, – тем же тоном, что и при разговоре о смерти антисов, отозвался Борготта. В углах его рта залегли глубокие складки. – Пепел. Когда мы возвращаемся из большого тела в малое, на нас остается пепел. Самая малость, помылся, и нет. Профессор Штильнер говорит, что это – погрешность при восстановлении исходника. Папа Лусэро утверждает, что это – пепел времени, горящего в звездах. Он оседает на нашей шкуре, въедается в неё. По-моему, они оба бредят.

– Ты ему должен, – сказал Тумидус. – Ты ему сильно должен.

– Иди ты к чёрту! – повторил Борготта.

Это значило что угодно, но только не призыв идти к чёрту.

– Ты и мне должен, – сказал Тумидус.

– Я? Тебе?!

– Посмотри на меня, – сказал Тумидус.

Борготта посмотрел. И увидел не военного трибуна, но штурмового легата. Казалось, он смотрит в перевернутый бинокль времени. Двадцать лет? День за днем, все они сгорели дотла, словно горсть минут, угодивших в огненное чрево звезды.

…гигантским поршнем башня ушла вниз. Когда она вновь поднялась, наверху стоял Гай Октавиан Тумидус в мантии с багряной каймой, наброшенной поверх мундира.

Зал затаил дыхание.

– Я рад приветствовать в этом зале надежду Отечества, его будущее! Могущество Помпилии, ее способность обеспечить своих граждан необходимым для процветания количеством рабов…

Борготта не сразу обратил внимание на пульсацию в висках. Проклятье! Знакомая боль подобралась незаметно, как наемный убийца. Теперь она уверенно распространялась от висков к темени и затылку, захватывая новые территории. Тараном ударила изнутри, смела выставленные преграды. Пламя вырвалось наружу, в нити, ведущие от невропаста к легату. Наполнило их, словно вода – резиновый шланг.

– …слава и гордость Империи – корабли ее военно-космического флота!

Помпилианец запнулся. Лицо его исказилось, но легат справился. Сам изнемогая от боли, рвущей голову на части, Борготта сумел оценить выдержку и силу воли Тумидуса. Да, кавалер ордена Цепи умел не только причинять, но и терпеть боль.

Кроме кукольника и куклы, никто ничего не заметил.

– Вы должны быть достойны славы ваших отцов и дедов…

Легат говорил ровно, слишком ровно. Борготта из последних сил старался удержать львиную долю боли в себе, отсекая жгучие щупальца от помпилианца. Лицо Тумидуса превратилось в ледяную маску. Легат по-своему боролся с транслируемой болью, заставляя мускулы не дергаться, а губы – выталкивать наружу необходимые слова.

Когда же кончится эта речь?!

– Я ему должен, – сказал Лючано Борготта. Щеки его стали белей мела. – В смысле, Папе. Я и тебе должен, да. Ойкумена маленькая, мы тут все друг другу должны. Давай, рассказывай, что ты там придумал. И имей в виду, я ещё не принял решения.

Он лгал, и знал, что лжёт, и знал, что трибун это знает.

Глава третья

Консультация по позитиву, или Я тоже параноик

I

– Вы хотели меня видеть?

– Да.

Гюнтер тщательно смоделировал чувственный образ солнца. Детская мордашка, ямочки на щеках. Улыбка. Кучеряшки-протуберанцы – витая проволока. Когда солнышко оформилось, Гюнтер заштриховал его косыми струями дождя – и толкнул вперед, к доктору Йохансону.

Действие заняло ничтожные доли секунды. Просто сказать вслух «солнце» или ткнуть пальцем вверх, указав на светило, вышло бы гораздо дольше. Впрочем, для того, чтобы указать на солнце, Гюнтеру пришлось бы подняться на восемь этажей вверх, минуя тьму тьмущую охранных постов. Толчок, адресованный доктору, был слабый, осторожный: скорее приглашение, чем настойчивость. В ответ Йохансон дернул уголком рта, намекнув на ответную улыбку, ослабил периметр защиты рассудка и впустил солнышко внутрь.

– Удо, – представился он так, словно они никогда раньше не виделись. – Зовите меня по имени.

– Гюнтер.

– Очень приятно.

– Рад знакомству, Удо. Я много о вас слышал.

Это означало: на том, что было, ставим крест, и начинаем всё заново, с чистого листа. Для прямого общения менталов не имело значения, эмпат ты, телепат или

синтетик-универсал, которому доступны любые варианты контакта разумов. Чувственный образ воспринимался телепатом так же, как информационный пакет – эмпатом. Мозг каждого трансформировал посылку в удобном для него ключе, выжимая этот, образно говоря, апельсин до последней капли сока. «Когда композитор без труда переводит мелодию из тональности в тональность, например, из фа-минор в си-минор, – объясняли ментально одаренным детям в специнтернате, – он делает примерно то же самое.» Контакт доктора Йохансона и кавалера Сандерсона не был затруднен спецификой их уникальных разумов, а к солнышку с дождевой штриховкой выпускники «Лебедя» привыкли с малых лет. Если требовалось обсудить какой-либо секрет, не предназначенный для посторонних ушей, а присутствие родителей, случайных прохожих или сверстников, не обладающих телепатическим даром, мешало воспользоваться устной речью, менталы слали друг другу «солнце за решеткой». Это значило: говорим о пустяках, о важном думаем. Ребенком, а позже юношей Гюнтер миллион раз пользовался «косым солнышком», но с возрастом необходимость в тайных переговорах исчезла. Наверняка Йохансон прошел аналогичную школу и давно уже не прибегал к особым знакам для посвящённых.

Что не помешало ему вспомнить и откликнуться.

– Присаживайтесь. Кофе?

– Сок, пожалуйста. Яблочный.

– Два сока, – сказал Гюнтер девушке, скучавшей за стойкой.

Встречу организовали в столовой минус восьмого этажа, на этаж выше детской. Гюнтер видел в этом некий знак судьбы – и надеялся, что благоприятный. В конце концов, его первая встреча с Миррой тоже произошла в столовой для сотрудников станции наблюдения за Саркофагом. На Шадруване за столиками сидело человек пятнадцать – при желании, восстановив давнюю энграмму, хранившуюся в памяти, Гюнтер мог бы выяснить точное количество посетителей. На Ларгитасе, в бункере, столовая пустовала, если не считать девушки, наливавшей сок, и Гюнтера с Йохансоном. Ну да, Тиран позаботился, чтобы разговор, о чём бы он ни зашёл, остался конфиденциальным, без свидетелей. Втайне Гюнтер боялся, что к ним присоединится комиссарша. Присутствие Линды Рюйсдалл, ментала высшей квалификации, сорвало бы возможность прямого контакта собеседников. В ее компании Гюнтер и не заикнулся бы о том, что волновало его больше всего. Нет, комиссарша честно охраняла Яна Бреслау,

и кавалер Сандерсон был благодарен ей за это.

Пишут, подумал Гюнтер. Пишут разговор. Ладно, пускай. Аппаратуры, способной записать диалог двух менталов, не существовало даже на Ларгитасе, флагмане прогресса. Мысленные образы фиксировала разве что плесень куим-сё, но для такой записи собеседникам пришлось бы залезть в ванну с плесенью и полностью снять защитную блокировку разумов.

– Ваш сок.

– Спасибо.

– Всю дорогу хотел пить, – пригубив сок, Йохансон с наслаждением крякнул. – Так чем могу быть полезен?

– Позитив, – отозвался Гюнтер. – Дайте мне консультацию по позитиву.

Произнеся слово «позитив», он сформировал в мозгу чувственный образ толпы, символизирующей расу энергетов – без конкретного указания, гематры это, брамайны или вехдены – и подбросил над толпой маленького человечка. Человечек взмахнул ручками, как крыльями, засиял радугой и взмыл в черные небеса, затерявшись среди звезд.

«Антис, – пришло от Йохансона, – человек, от рождения наделенный способностью к переходу в измененное, расширенное состояние…» Доктор цитировал Малую Галактическую Энциклопедию.

– Я кормлю сына позитивом, – продолжил Гюнтер. – Это облегчает наше общение. Коктейли эмоций я формирую по схеме Бильда: три-шесть-три, пауза, три-пять-два…

– Результат? – заинтересовался Йохансон.

– Раньше мальчик отвечал мне изменением позы.

– Позы?

– Что-то вроде брамайнских асан. Сейчас он всё чаще реагирует иначе, более естественно.

– Я знаком с методикой Бильда…

Интерес доктора не был поддельным. Его действительно интересовало все, связанное с Натху. Но во время обсуждения Гюнтер сформировал второй образ толпы, на этот раз – символ техноложцев, и вместо черных небес разместил над головами клубящееся облако информации: мысли, чувства, иными словами, ментальную сферу. Выждав крохотную паузу, он подбросил над толпой человечка. Взмахнув ручками, человечек поплыл в облаке – впитывая производную чужих разумов, дыша ею, сортируя и перерабатывая.

Человечек сделался похож сперва на Гюнтера, а затем и на Йохансона. Это был ответ доктора. Менталы, значил ответ. Мы с вами, и такие, как мы.

Да, откликнулся Гюнтер. В смысле, нет.

Я о другом.

Человечек превратился в Натху. Оба человечка превратились в Натху Сандерсона – антис над толпой энергетов и ментал над толпой техноложцев. С необыкновенной, пугающей остротой Гюнтер ощутил, как усиливается внимание Йохансона к его демонстрации. Если мериться способностями, данными от природы, то кавалер Сандерсон, пожалуй, был посильнее доктора, но Удо Йохансон куда лучше умел концентрироваться на главном – навык, дарованный опытом.

Кровь ударила в голову, в висках громыхнул пульс. Вот оно, сказал себе Гюнтер. Момент истины. Прекратить? Свести всё к шутке?! Нет, кому-то я должен открыться. А дальше – как повезёт.

Два Натху полетели навстречу друг к другу – и слились воедино. Близнецы исчезли, остался феномен, состоящий из феноменов – антис-ментал, взращённый хищными флуктуациями континуума. Не может быть, ждал Гюнтер. Любой человек на месте Йохансона ответил бы: не может быть! У энергетов рождаются антисы. У техноложцев и варваров рождаются менталы. Это правило без исключений, и уж тем более это правило без совмещения

противоположностей в одной личности.

Доктор молчал. Размышлял. Взвешивал «за» и «против».

– Я знаком с методикой Бильда…

Вся демонстрация с запасом уложилась в промежуток между двумя репликами Гюнтера: «Раньше мальчик отвечал мне изменением позы» и «Сейчас он всё чаще реагирует иначе…» Размышления Йохансона поместились в паузу перед репликой про знакомство с методикой Бильда. Меряя категориями менталов, доктор размышлял долго, очень долго. Размышлял? Колебался, понял Гюнтер, прислушавшись к эмоциональному фону Йохансона. Так поступать было некорректно, даже оскорбительно – доктор мог обидеться! – но Гюнтер рискнул, видя, как глубоко погружен доктор в свои мысли. Да, это колебания. Йохансон хотел что-то рассказать собеседнику, что-то не менее важное, чем существование антиса-ментала, и не знал, имеет ли право на откровенность.

– Позитив-паразит? – уточнил Йохансон.

Он имел в виду характеристику воздействия на Натху. Паразитами считались внедренные эмоции, надолго задерживающиеся в мозгу объекта воздействия. В их задачу входило пожирание собственных антагонистов: в общих чертах, для позитива пищей служил негатив. Опытный эмпат без труда выстраивал более тонкие связи, но сейчас речь не шла о деталях.

Гюнтер пожал плечами:

– Редко. Боюсь навредить. Его мозг мне понятен не до конца. Чаще я создаю необходимую атмосферу, чтобы он дышал позитивом. Он сам выбирает, насколько глубоко ему дышать. А я время от времени меняю состав воздуха…

Вот, вдруг произнёс доктор, неслышимый для камер слежения. Вот, смотрите. Судя по мысленной интонации, Йохансон решился. Решился он на озвученном вслух вопросе про паразита, а все последующие двадцать три секунды транслировал Гюнтеру результат своих размышлений – энграмму разговора с Тираном, состоявшегося ещё до захвата Натху.

– Где вы откопали вашего мутанта?

– Какого мутанта?

– Вот этого!

В воздухе повисает спектрограмма Отщепенца.

– Где вы взяли этот снимок?!

– Взял?! – обида доктора хлещет проливным дождём. – Он пришёл мне по рассылке, вместе с ментограммой Сандерсона!

Гюнтер поморщился. Обида Йохансона была такой интенсивности, что любому эмпату стало бы больно. Боль усиливалась воспоминанием о том, как доктор брал у Гюнтера копию интимного воспоминания о Шадруване. Когда это делал Натху, Гюнтеру было стыдно. В случае с доктором стыд обернулся болью.

Терпи, велел себе Гюнтер. Ты сам вызвал Йохансона в бункер.

– По какой рассылке?!

– По внутренней! Для служебного пользования! С вашей, между прочим, маркировкой «срочно». Вы что, Бреслау, издеваетесь?! Видите? Здесь и здесь…

Световой маркер скользит по спектрограмме. Отмечает участки:

– Это типичные пики эмпата. Эмпата сильного, способного на активное воздействие. Хотя с пассивным чувственным восприятием у вашего мутанта тоже всё в порядке. Кстати, я вижу большое сходство с аналогичными участками ментограммы Гюнтера Сандерсона. Ментальные способности не передаются по наследству, но мало ли? Они случайно не родственники с мутантом?

Пики эмпата, повторил Гюнтер. Волновой слепок Натху, как антиса, чертовски похож на динамический снимок мозга, ментограмму действующего эмпата. Сходство с моими участками? Ментальные способности не передаются по наследству. Ладно, не важно. Важно другое: антисы и менталы схожи меж собой. Мы рождаемся у разных ветвей человечества, мы – дети разных эволюций, и тем не менее…

– Почему вы называете его мутантом?!

– И вы ещё спрашиваете, почему? Потому что всё остальное, кроме этих областей… Это чёрт знает что! Феномен! Ахинея! Гречневая каша! Я даже не представляю, что за мозг…

– Это не мозг, доктор. Это он сам.

– Что?!

– Ничего, доктор. Я уже заговариваюсь. Двое суток не спал. Или больше? Спасибо вам, доктор, большое человеческое спасибо…

– Мутант. Вы меня с ним познакомите?

– Очень на это надеюсь! Очень!

Не познакомил, громыхнул доктор. Обманул!

Вторичная обида Йохансона воздействовала на Гюнтера слабее, к ней он был готов. Закрылся, заблокировал, переваривая услышанное. В сердце кавалера Сандерсона копилась обида, рядом с которой и близко не стояли все обиды Удо Йохансона, оптом и в розницу.

«Вы знали, что мой сын – ментал? – швырнул он в Йохансона, словно камень в лицо. Широкоплечий гигант, доктор своим присутствием давил на Гюнтера, терявшегося в присутствии мужчин атлетического телосложения, но сейчас давление исчезло. Точнее, Гюнтер вернул его сторицей. – Антис и ментал

одновременно?! Знали и скрыли от меня?! Или вас заставили скрыть?»

Ничего я не знал, вернулось от доктора. Тоже мне, нашли козла отпущения! Я думал, что мне подсунули ментограмму мозга какого-то эмпата с аномальными отклонениями. Это уже потом, когда я начал исследовать тему…

На Гюнтера обрушился ворох спектрограмм. Антис за антисом: длина волн, частота, интенсивность излучения, подробность за подробностью. Эти данные лежали в общем доступе, Йохансон взял их из открытых источников. Пока Гюнтер налаживал контакт с блудным сыном, доктор изучал волновые слепки антисов, сравнивая их с ментограммами телепатов. Сходства, различия…

Сходства были общими. Различия – частностями, которыми следовало пренебречь.

«Удо! Вы гений! Вы сделали грандиозное открытие!»

Да, согласился доктор. Я гений. Я сделал открытие. Грубо говоря, существование антиса в космическом пространстве и существование ментала в космосе образов и мыслей – практически одна и та же форма жизнедеятельности. Антис, когда он находится в большом теле – это подвижный энергетически насыщенный разум, способный к перемещению между материальными объектами и активному воздействию на окружающую среду. Ментал в рабочем состоянии – подвижный энергетически насыщенный разум, способный к перемещению между психическими объектами и активному воздействию на окружающую среду. Мы с вами, дорогой Гюнтер, и ваш драгоценный сын с каким-нибудь Кешабом Чайтаньей – все четверо мы имеем между собой больше общего, чем кажется на первый взгляд. Вы удивились, почему я не подпрыгнул до потолка, узнав, что Натху совмещает антические и ментальные способности? А с чего бы мне прыгать, если я вижу, что чудо базируется на мощнейшем теоретическом фундаменте?!

– Еще сока?

– Нет, спасибо.

– Сбросьте мне десяток ваших коктейлей, – вслух произнес Йохансон, когда девушка отошла. – Тех трех, что вы сбросили перед этим, недостаточно. Я не

готов сделать однозначный вывод. Позитивные модели превосходны, но для расчета воздействия нужен материал.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

См. роман «Ойкумена» (кн. 1. Кукольник) – первый роман эпопеи «Ойкумена».

Купить: https://tellnovel.com/ru/genri-oldi/beglec

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить